год издания 2-ой

10-го января 1929 г.

ПРАГА

КАЗАЧЕСТВО

КОЗАЦТВО

27

27

ВІЛЬНЕ

ВОЛЬНОЕ

10-го січня 1929 р.

PRAHA

РІК ВИДАННЯ 2-ий

ОГЛАВЛЕНИЕ.

1. А. *Троицкая*: *** Стихи.
2. *Гн. Макуха:* *** Вірш.
3. *С. Савицкий*: *** Вірш.
4. *С. Балыков*: Ковыльный шелест.
5. *М. Забігайло*: Як будували Остапові хату.
6. *А. Кирьянова*: *** Стихи.
7. *Микола Оверкович*: *** Вірші.

8. Прогнозы.
9. *Вл. Куртин*: 1929 год.
10. Инж. *В. Бейсуг:* О географическом положении Каз. Земель.
11. Д-р *С. Федоров*: Анкета о Казачестве.
12. *Т. Стариков:* Этапы.
13. *Шамба Балинов*: Любителям передергиваний и подтасовок.
14. *Лопух*: Казачки виноваты.
15. *Адыгум:* Сон под Новый Год.
16. Печать о В. К.
17. Думы и мысли Казачьи.
18. Международная жизнь.
19. Среди горцев Сев. Кавказа.
20. Казачья эмиграция.
21. Фильм о казаках.
22. В Казачьих Землях.

Почтовый ящик

журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво".

Редакция журнала „В. К." сердечно поздровляет всех своих сотрудников, читателей и все Казачество с НОВЫМ ГОДОМ!
и искренно желает, чтобы для каждого из нас, как и для всех нас вместе, он был лучшим, чем предыдущие.
Пусть осуществятся в нем наши лучшие надежды!

Редакция журнала „В. К." искренно благодарит всех тех, кто поздравил ее с праздником Рождества Христова и Новым Годом.

Франция. — С. М. — Спасибо за поздравления. „Превратность судьбы" получена. Пойдет. „П. разговора" — используем.

Болгария. — П. Н. — „Разговоры"получены. Подойдет. Пишите еще. Подробности — письмом. Привет!

Югославия. — В. К. — Послано письмо. „До братів..." получено.

Франция. — А. Т. — Письмо „с приложением" получено. Журнал высылается.

Франция — Ф. Е. — Ваше желание исполнено. Письмо послано.

Марсель. — Т. Р. — Очень рады, что отозвались. Послано письмо.

Румыния. — В. П. — Согласны. Посылаем письмо.

Югославия. — Д. С. — „К. Родная" пойдет в ближайшем номере.

Бельгия. — И. Е. — „В прошлом" получено. Пойдет в ближайшем номере.

Болгария. Агр. — И. Е. — Сообщите нам свой адрес.

Горні Черношиці — 107. — Попробуємо.

Югославия. — А. Г. — „В карауле" получено. Ответ на Ваше письмо будет письмом же. Привет!

Югославия. — Г. М. — Листа Вашого одержано. Відповідь буде. Вітаємо!

Франция. — К. Б. Рассказ получен. Убедительная просьба писать по новой орфографии и разборчиво. Неразборчивые рукописи очень много придают работы и редакции и наборщикам.

Болгария. Б. Мон. — Я. Л. — „Козача могила" получена. Пойдет в ближайшем номере. Привет Вам!

Царьгород. — Сотник З. М. — За привітання дякуємо. Числа журналу, що просите, посилаємо.

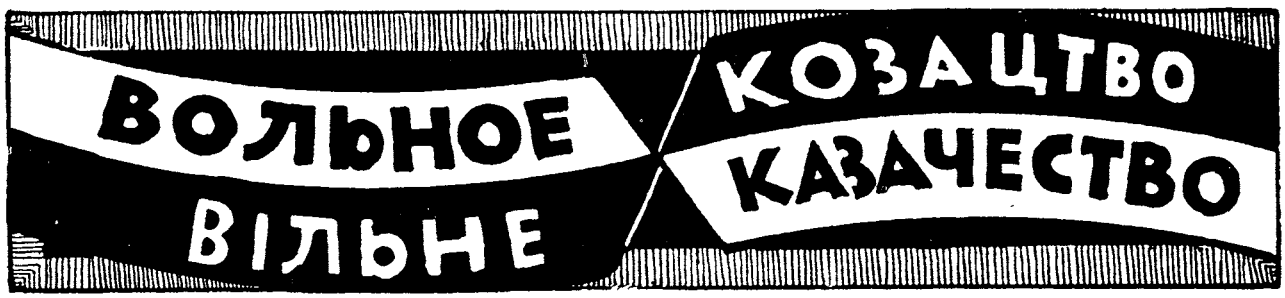
Брюссель. — И. Е. — Ваше письмо прочли с большим удовольствием. Спасибо за искренность. Думаем, однако, что в некоторых вопросах Вы ошибаетесь. Но, это нисколько не мешает общей работе. Почему непременно нам нужно было бы петь в один голос? Не лучше ли хор? Не правда-ли? Все хорошо на своем месте: и романитка и экономика. Посылаем письмо. Привет Вам!

Белград. — В.К. — „Как умирает..." получено. Пойдет. Ответ на Ваше письмо пошлем письмом же. Впрочем, частично Вы его можете найти уже в этом номере журнала. Очевидно, что и выбор Вы сделаете надлежащий. Искренний привет!

После продолжительной болезни тихо скончался 12 декабря 1928 г. в Панчевском госпитале подхорунжий и помощник Есауловского станичного атамана (избран еще на Дону и оставался на своем посту до сего времени)

Иван Никифорович Вифлянцев

о чем извещают казаки Есауловцы.
Мир праху твоему, дорогой наш станичник!

Двухнедельный журнал литературный и политический.

Под редакцией **И. А. Билого** и **М. Ф. Фролова.**

Редакция и контора: Praha-Žižkov, Jagellonská 24, Tchécoslovaquie.

Почтовый текущий счет в Чехословакии 303.997.

№ 27 *Прага, четверг 10-го января 1929 г.* *№ 27*

А. Троицкая.
(Прага).

* * *

Лес, будто в сказке, заснул завороженный,
В инее месяц встает...
В полночь заплакал в кустах новорожденный
Новый загадочный год.
Милый малютка! С надеждой и лаской
Все мы давно тебя ждем...
Глянь-же своими невинными глазками,
Видишь, как тихо кругом!
Молви скорей, что из сумрака тайного
Ты нам на землю принес,
Станет ли меньше несчастья случайного,
Горя, страданья и слез?
Ты еще юн и душей своей нежною
Можешь жалеть и скорбеть!..
Долго-ли там, где равнина безбрежная,
Где завывает мятелица снежная,
Людям молчать и терпеть?..

Гнат Макуха.
(Югославія).

* * *

Ой, повій ты, вітре буйный,
Рідними степами,
Рознеси ты мою думку
Тай по між братами.
Думка ж моя невелика:
Долю й волю брату,
Щастя й спокій на Кубані,
Мир у рідну хату!

С. Савицький.
(*Бразилія*).

* * *

Шукаємо долю по світі,
Покинувши рідні степи.
Чекають жінки нас та діти,
Чекають й старенькі батьки...
Ще раз би піти пригорнути
До серця дрібних сиротят, —
Тоді, й хоч навіки заснути
Десь там, коло рідних тих хат...

Санжа Балыков.

Ковыльный шелест.

Азман — большеголовый, кривоногий десятилетний мальчик, с порыжелыми от солнца давно нечесанными волосами, с черным от загара лицом, босиком идет — в степь, к едва видневшемуся вдалеке „Красному яру“, под которым, на берегу степного пруда, должен был в это время быть его дедушка — Джáда, — очередной пастух хотонного скота.

Мягкая, желтая, бараньей кожи сумочка — „дяльнг“, с половинкой выпеченного в сковороде калмыцкого хлеба, с четырьмя большими жирными кусками вареной конины, да большой бутылкой холодной раки, висит у него за плечом. Азман несет деду обед.

День был безветренный, жаркий, июньский. От хотона до Красного яра далеко, верст пять. Но, Азман, не лентяй, он мальчик послушный и деда старого любит.

Идет Азман, песню уличную частушку под нос мурлычет и головки цветов тонкой хворостинкой, как шашкой, по пути сбивает.

Дедушка, Джáда, действительно, оказался у пруда, под Красным яром. Внук издалека его увидел: воткнув палку в кротовую кучу, набросив на палку свой бешмет и, отвоевав этим у солнца коротенькую тень для головы, лежал он на земле, растянувшись во весь свой саженный рост.

Пестрое стадо коров лежало у самой воды; многие из них, по брюхо войдя в воду, стояли там, отмахиваясь от насекомых хвостами.

Природа застыла в полуденной дремоте. Неподвижный пруд стеклом горячим блестел на солнце.

— Ава!.. Обед я принес! крикнул Азман, неслышно подходя к деду.

— Адь!.. вот молодчик, неси сюда, мой хороший, дай... — откликнулся дед, подымаясь и заслоняя ладонью глаза от солнца.

— Азман отдал старику обед и, утирая рукавом лоснящееся потом лицо, весело говорил:

— Далеко было... боялся.

— Ну!, разве ты не мужчина, кто же днем боится? Пойдем, искупаемся, а потом будем обедать, — ласково говорил дед, направляясь к пруду.

Прежде чем войти в воду, Джада предварительно зарыл бутылку с ракóй глубоко в грязь.

Азман, уморенный ходьбой по жаре, и дед, разморенный лежаньем на солнце, с наслаждением, долго купались, ныряя, плавая, плескаясь водой.

После купанья одевшись, старик вытащил бутылку из грязи, бережно обмыл и, видимо, с большим удовольствием отпил. Потом дед и внук стали обедать. Азман, уже пообедавший дома, не отставал и тут от деда. Наевшись, дед лег отдохнуть.

— А ты, Азман, иди домой — проговорил он.

— Я, дедушка, останусь при вас; вечером вместе погоним стадо...

— Ну, ладно, тогда ложись сюда, полежим, а потом поднимем скот и выгоним на попас, жара скоро начнет спадать, — сказал дед, давая место в тени и для головы внука.

Азман быстро задремал. Джáда то и дело подымался и прикладывался к горлышку бутылки с ракóй.

Несмотря на свои семьдесят пять лет, Джада был еще крепкий старик. Волосы на седой голове были еще густы и наполовину черны, целы были почти все зубы, глаза видели хорошо, чуток был слух.

От силы его, гремевшей когда то на всю окрестность, осталось еще столько, что, когда его сын, сорокалетний здоровый мужчина, вздумал на Цагане побуянить, бить жену, Джада схватил одной рукой за шиворот, придавил головой к земле и держал до тех пор, пока сын не взмолился о пощаде.

Только, на старости лет, Джада стал очень болтлив. Молодому, старому, ребенку ли, женщине, мужчине, все равно, он находил что рассказать, особенно, когда был навеселе.

Множество легенд, воспоминаний из своей молодости, сказок приходилось слышать от деда Азману.

„Ты, Азман, будь в деда, в меня, а не в отца. Слабый мужчина твой отец, от матери покойной унаследовал... в его годах, я разве такой был"... И начинал дед рассказывать внуку, каким он был в молодости.

Бутылка крепкой раки развязала язык ему и на этот раз.

Не прошло и часа, как дед, разбудив внука, гнал стадо в степь.

———

Насытившиеся до отвала коровы лениво бродили по степи, лакомясь только наиболее вкусными травами, или лежали, жуя жвачку. Гнать стадо в хотон было еще рано. Солнце было еще высоко, но жара уже ослабела. Легкой рябью волнуя море седого ковыля, дул теплый предвечерний ветерок.

Дед сидел лицом против ветра и, высоко подымая руку с торчащим указательным пальцем, рассказывал внуку:

— Ты, Азман, не знаешь, какой я был хороший, лихой вор. Никогда я не брал лошадей ближе, чем за сто верст... Я водил только из за Дона, от Волги, от Кумы. И брал я не всякую лошадь, а только ту, что резвостью известна была на всю окрýгу.

Избегал гнать из табунов в степи... Думал: „из табуна, со степи, всякий дурак и трус может угнать". Любил брать из конюшен, из под крепких замков... Бывало, под'едешь темною ночью к экономии какого-нибудь богатого коннозаводчика, оставишь лошадь у своего коновода, скинешь сапоги, засучишь брюки до колен, бешмет долой, стиснешь в одной руке плеть, в другой шворень от воза и пойдешь, как волк, крадучись под стенками базов и амбаров.

Дойдешь до нужной конюшни, вложишь шворень в кольцо замка, даванешь — замок долой.

Берешь в конюшне уздечку, взнуздаешь лучшего жеребца, если есть седло, то оседлаешь, выведешь, сядешь, еще гикнешь нарочно и помчишься... За тобой крик, шум, гам, выстрелы...

— А зачем же вы кричали, дед?

— А чтобы погнались за мной, чтобы стреляли по мне, тогда веселее на душе делалось, забавнее бывало.

Ни разу вас не поймали?

— Нет... меня не могли поймать. Да... было время. Прослышал я раз, что у таврических немцев хорошие кони водятся, заграничные, думаю: „Надо достать". Взял с собою надежного коновода, своего друга Нимбу, который тогда почти один умел хорошо по русски говорить, и в один темный весенний вечер выехал.

Ехали всю ночь и еще пол дня. В полдень остановились в степи, в балке, отпустили подпруги коням и по очереди проспали там до вечера.

Вечером опять тронулись и ехали до полуночи. Доехали до одного немецкого села. Немцы в это время были на пашне, в поле. Слез я с коня, приготовился, подобрал себя и, оставив Нимбу с нашими конями, пошел бродить по кошам. Сперва я нашел в подводах сало и хлеб, наелся сам, пришел Нимбу накормил, из бочки напился воды, принес одну цыбарку и коням дал глотнуть, а потом и пошел выбирать коней. Долго выбирал. Все какие-то тяжелые попадались. Наконец, напал на пару хороших. Здоровые, шеи как у лебедя, гладкие. На шеи надеты цепочки, цепочки продеты в кольца в бричке и на замочек. Дело пустое, если бы был шворень, да на грех потеряли его в пути. Что тут делать. Думал, думал... Вынул я платок, завернул им цепь в одном месте, взял цепь в руки в этом месте и крутнул, — одно звено в цепи лопнуло.

Освободил я лошадей и повел. Хозяева, видимо отец с сыном, спят себе, недалеко от брички. В головах оружие — вилы. Вижу, под хозяевами — хорошая, белая полсть.

Отвел я лошадей к Нимбу и говорю ему, что, вот мол, немцы спят на хорошей белой полсти.

„Пожалуйста, говорит, достань, жене на ширдык повезу".

Думаю: „Нужно другу уважить".

Взял я аркан, подошел опять к спящим, прорезал на уголке полсти дырочку, продел в нее аркан, повязал по калмыцки, потом подвел своего коня, сел на него, взял аркан под стремя и... „чу"!.. придавил коня. Конь мой рванулся с места; спящие посыпались, покатились на землю, и, к ужасу их, полсть из под них взвилась белой птицей и скрылась в темноте.

Как загалдели немцы по всей пашне, стали кричать, стрелять неизвестно куда и в кого, а наш и след простыл.

Только насилу тех лошадей привели, тяжелые, ленивые оказались, я зарезал их на махан для всего хотона и больше не брал немецких лошадей. Не годятся для калмыков.

А вот дербетские, донские и киргизские — хороши. Особенно киргизы, маленькие, но такие бедовые попадаются, что прямо, как огонь, вот бы их с английскими случить, интересные, новые кони должны получиться...

— А зачем вы, дедушка, крали, бедно жили?

— Ху! бедно, до ста голов коров я имел, это твой отец с'умел так обеднеть, что всего сорок штук осталось, да косяк лошадей у меня был. От скуки я крал! Некуда удаль молодецкую было девать! Что же мне было делать, как кражей не забавляться! Я был благородный вор: у ближних никогда не брал, бедных щадил, даже помогал им. Зато мне и почет и уважение от всех были. Каждый старался мне угодить. Сам покойный полковник Кирсанов на дом меня приглашал. Позовет, бывало, нальет чарку какой-то хорошей водки и четвертную бумажку протягивает. А за что, неизвестно... А за то, чтобы из его табуна я не вздумал в дербеты погнать, или, если другие украдут, чтобы я отыскивал.

— Хоть раз отыскивали ему пропажу?

— Сколько раз! Однажды целый косяк бурлаков угнали у него, так я целых три месяца искал их. Только три бурлака я подарил одному богатому дербету на приплод, остальные все вернул. В тот раз ведро водки Кирсанов мне прислал.

— Дедушка, а таперь воруют?

— Теперь реже, тесно стало, но все же воруют... Только разве теперь воры?! Подлецы они да и только. Теперешние гоняют паршивую корову, быков, обижают соседей, стараются украсть у какого нибудь бедняка, которому не на чем выехать поискать пропажу, у вдовы, у бездетных стариков, да все украденное стараются продать, чтобы в карты играть, в гостинницах прогулять... А мы: никогда у бедных не брали, не крали даже в своем округе, с коровами и быками не возились. Если, бывало, пригонял много лошадей, так я многим просто раздаривал на добром слове, потому меня все и любили в хотоне. А теперешних разве кто любит?!. Да никто! Их выдают полиции, сажают в тюрьмы, так и надо, потому они не молодцы, а просто жулики...

Дед сердито сплюнул, заткнув одну ноздрю большим пальцем, звучно сморкнулся. Потом достал из сумки давно пустую бутылку и еще раз с укоризной посмотрел на нее и задумался...

Азман, слушавший деда с напряженным вниманием, встал и, живо поймав в траве двух кузнечиков, держа их за ноги, начал тыкать их головами друг в друга. Кузнечики начали ожесточенно драться, испуская изо рта темную жидкость, стали рвать друг другу губы, ломать челюсти.

— Да... — после продолжительного молчания, уже спокойно, как будто с сожалением начал дед, — все идет на гибель, на вырождение. Конец всему скоро будет. Люди с каждым годом мельчают душей и телом, мельчает скот, редеют травы, стали ниже выгонять рост, даже земля как будто стала сохнуть, сжиматься... Куда ни посмотришь, к чему ни прислушаешься, все слышно: „Конец... конец“...

— Ты послушай, что шепчет ковыльный шелест, вот прислушайся!..

Внимательно, приложив ухо к земле, слушал Азман ковыльный шелест...

— Мне, дедушка, ничего не слышно, никто ничего не говорит.

— А!.. молод ты еще. Не открыто это тебе.

Ты думаешь по пустому ковыль в степи шелестит? Нет. Все в природе живущее и растущее говорит, имеет свой язык. И травы, и деревья и животные.

„Конец идет русскому царству, русской земле“ — говорит ковыльный шелест. „Будет кровопролитная война. Смута великая будет. Брат будет убивать брата. Все вырежут друг друга. Огнем будет пожжено, солнцем высушено. Села будут пусты... Голод настанет великий“. Вот что шепчет седой ковыль.

— Дедушка, вы недавно говорили, что все это написано в предсказаниях Дживзен-Дамба Ламы, а теперь говорите, что об этом ковыль вам шепчет.

Джада немного смутился, но, оправившись, буркнул:

— Да, и там это есть, и здесь я слышу.

— А почему все это случится?

— Да потому, что срок иноверцам пришел. Их пророк выпросил у Бога для своего народа две тысячи лет жизни, вот этот срок и приходит.

— Тогда как же быть нам, калмыкам?

— Наше дело, Азман — другое. До нашего срока еще далеко. Наш Будда выпросил для нас пять тысяч лет жизни. Если бы мы жили совсем отдельно от русских, или в свое время с'умели бы укочевать с Абушейханом, тогда бы эти бедствия совсем нас не коснулись, но так как мы перемешались с русскими, то, возможно, и нас захватит беда. Но и этот случай предвидел наш Будда и установил для всех калмыков отличительный знак от русских. Знаешь какой?

— Нет.

— Ну, так вот смотри... С этими словами снял дед с головы свою полинявшую казачью фуражку и ткнул пальцем в маленький красный махор на ней.

— Для чего, ты думаешь, я это ношу? А вот для того, чтобы, когда Боги будут пролетать над землей и посылать бедствия на инородцев, которым пришел срок, не захватили и нас, калмыков. Наш Будда тоже будет летать с этими Богами и, как только увидит красный махор на голове, то будет говорить: „Минуй этого, это Улан-Залата Хальмак, им еще жить“. Поэтому все калмыки должны носить красный махор на голове, — „Улан Зала“.

Да только куда там... Никто из калмыков почти не носит. Мы, старики да бабы. Забыли все про наказ Бога, а вот придет беда, тогда, может, уже поздно будет...

Дед умолк. Долгая, возбужденная речь его утомила. Солнце за это время дошло до западной части неба и начинало незаметно сползать вниз. Прохлада оживила природу. Поднявшееся стадо, медленно пасясь, направлялось к хотону.

Дед и внук поднялись и пошли догонять стадо. Джáда, опираясь одной рукой на палку, бодро шел по степной тропочке. Азман то и дело подбегал к торчащим седым „катранам“ и, как шашкой, рубил их головки своей хворостинкой.

— Вот... — думал дед, глядя на внука — резвится мальчик, совсем несознательно это делает, а ведь и он своим действием говорит, предзнаменует, что скоро будет война.

Стадо уже доходило до хотона, дед и внук проходили пыльную проезжую дорогу, как зазвенели вдали бубенчики, и показалась мчащаяся тройка с развевающимся красным флагом на древке. Вмиг тройка поравнялась с пастухами и скрылась в клубах густой пыли, мчась дальше в экономию.

Сняв фуражку, с широко разинутым ртом долго стоял дед, смотря вслед тройке.

„Началось“, — прошептал он про себя и поспешно зашагал к хотону.

••••••••••••••••

Мартин Забігайло. *(Югославия).*

Як будували Остапові нову хату.

Жив собі на світі один чоловік. Звали його Остап. Займався він хазяйством та хліборобством. Чоловік він був дуже трудячий та хозяйновитий. Поки був молодий, так робив за трьох, непакладаючи рук: вставав рано, ще до сонечка, а лягав пізно; у день негаяв часу, не досипляв ночей, та й придбав собі великими трудами чимало усякого добра. Тільки і оддихне, було, трохи, як у празник, або в неділю піде до церкви: помолится Богові милосердному, та подякує Йому, що посилає йому здоровля, прибавляє віку, та помагає в його важних хазяйських трудах.

От і послав Остапові Господь гарну у світі долю та поблагословив його усяким щастям. Не вчувся, не углядів він, як у його, дуже якось скоро, виросло аж сім синів; та усі повдавались кріпкі та здорові, смирні та слух'яні. Скоро він поженив їх одного за другим, забрав у двір гарних та здорових невісток, а там, незабаром, діждав і онуків.

Отак потроху виросла у Остапа і стала дуже велика сімья: було кому і діло робить, і по хазяйству скрізь справляться; свої були робітники і робітниці, погоничі, товарчії чи підпаски. А сам Остап тільки за хазяйством приглядав, та усім добрий порядок додав. Як вийде, було, раненько із хати, та погляне скрізь хазяйським оком, так аж душа в його радуеться, дивлячись, як навколо його сімейство метушиться, мов ті бджоли коло уліка.

Піде Остап потихеньку скрізь, щоб на усе подивитися, або й помогти у чому небудь, так де там! Тільки візьме у руки вила, або граблі, зараз тут і підскоче до нього який небудь із онуків:

— Та що ви, дідусю? Покиньте! Хіба ми без вас

несправимось? — Та й одбере у діда граблі, чи вила. А за ним і син який озветься:

— Та й правда, тату! Одробили ви вже своє — буде з вас!

Так жив собі Остап, та що-дня утішався і своїм сімейством, і добрим, великим хазяйством. І чим далі, рік за роком, усе дужче став він розживатися, та більше богатіти.

Богато придбав собі Остап усякого достатку; було для сімейства що їсти і пити, у що зодягтись і зобутися; та й грошенят наскладав він чимало, про запас, на усяку хазяйську потребу; бо він жив із своїм сімейством по простому, по старосвітському, нових порядків не заводив і копійку дарма не розкидав, а беріг про чорний день. Настроїв він багато і усякої хазяйської постройки, і скріз по дворищу стояли у ряд, та у хазяйський лад, великі, огрядні винбарі, сараї, повітки та половники, — усе з дебелого, кріпкого лісу, та укрите залізом, або черепицею. На це діло Остап, правду казати, був щедрий, ніяк грошей не жалів і усе так кріпко робив, щоб йому ніколи й віку не було.

На одно тільки не хватало у його хазяйської вдачі: ніяк він не думав і не хотів спромогтись, щоб построять собі нову хату, а усе жив із своїм сімейством у старій, що поставив ще його покійний батько, з низенькими стінами, та дуже маленькими вікнами. Привик до неї Остап та ще й добре таки памятав, що у цій хаті він родився, виріс і звікував свій довгий вік, і через те любив він старе батьківське гніздо, мов би рідну матір.

Хата хоч була і стара, а тільки дуже кріпка: стояла прямо і ніде на-бік не хилилася. Вона була добре укрита комишем, з довгою та низькою стріхою, а кругом хати була зроблена гарна, широка призба, на якій добре було усякому не тільки сісти, а як що треба, то й лягти.

Сказати правду, що з виду хата була не дуже показна, так за те літом у ній було прохладно, а зімою тепло; вона була велика і простора.

Поки сімейство було не дуже велике, так у хаті було просторо, а як поженив Остап усіх синів, стало тіснувато. От і зачали сини частенько нагадувати батькові, що пора уже їм поставити велику нову хату, щоб сімейству жити було просторніше; та тільки Остап жалів грошей і не хотів дуже утрачатися.

— Поки я ще живий, — казав він дітям, — так проживем і у старій хаті; а як станете самі без мене хазяйнувати, та наберетесь більше розуму, так тоді й зробите собі хату, яку схочете.

А щоб для сімейства було у хаті просторніше, Остап накупив дощок, стовпів та цегли, навозив глини і піску, та й надумав приробити збоку до старої хати одну, або й дві кімнати.

Одного разу, у празник, чи в неділю, сидить собі Остап під хатою, на призбі, та оддихає; коли дивиться, приїхало до його двору багато якихсь людей, та й кличуть його до себе. Підійшов він до них, поздоровкавсь, а вони і зачали йому зараз розказувати, що усі вони дуже учені майстрі, що звуться по ученому артітехтори та жинжінєри, і що хочуть вони узятися, щоб построїти йому нову велику хату.

Бачить Остап, що вони дуже чисто, по панському, одягнуті, усі з часами, та з золотими на руках перстнями, а балакають не по нашому, а по московському, чи то-б-то по руському, от він і подумав собі: „зроду я не бачив, щоб отакі пани та були майстрі. Чи не брешуть, часом, або чи не здумали поглузувати над старим дідом?“

А вони приступили до його ближче, та й зачали йому доказувати:

— Ну, хіба можна, — цвенькають вони по московському, — жити людям у такій хаті, як оце у тебе? Це не хата, а — свинюшник! Треба зробити таку хату, як от і скрізь тепер роблять у добрих людей: щоб були високі стіни, великі вікна, чисті деревяні, а хоч паркетні поли, та галанські печі. У такій хаті буде багато воздуху та світла, буде тепло, чисто та гарно.

Як узялись вони гуртом коло Остапа, як узялись балакати, доказувати, та усякі плани показувати, так чисто забили йому памороки. Бачить він, що це народ, справді, здорово учений і на балачку дуже слизький: нічого з ним не зговориш! От і стало йому перед ними чогось соромно, що він довго жив у такій поганій хаті. А тут ще й сини вступили в балачку:

— Скільки раз, тату, ми вам казали, що давно уже треба нам поставити нову хату.

Подумав трохи Остап, а далі й каже:

— Правда ваша, я і сам добре знаю, що пора давно зробити мені нову хату; та й сімейство моє частенько про те мені набридає. Ну, що-ж, як що ви дуже тямущі у цих ділах, так візьміться, спасибі вам, та й зробіть мені таку хату, як ото ви й самі кажете. Я уже й лісу і цегли трохи придбав, та й грошенята є про запас: чого буде треба, зараз усього й вистачимо.

— Добре — кажуть ті люде, — ми згожуємось зробити тобі таку кріпку та гарну хату, якої ще ніде на світі немає. Тільки уговор буде такий: за роботу ми нічого з тебе не візьмемо, бо ми — трудовики і з трудового народу нічого за те не берем; а тільки харчі для нас і для робочих, щоб були твої. Та ще ось що: хату ми будем строїти по інженєрському плану і усячину будем робити і приганяти у саму, як кажуть, точку; а через те, коли що у роботі буде здаватися тобі не так, як треба, або як тобі хотілось би, так щоб ти ні в що не вмішувався і не ставав нам на перешкоді. Бо, звісно, воно тільки сперва буде так здаватися, а далі, як побачиш нашу роботу, так тоді час-од-часу усе більше будеш радіти, та що-дня нам дякувати.

— Чи так, то й так! Робіть усе, що слід і як треба, — каже Остап, а сам думає: „Добре було б, як би так. Одно тільки мені чудно, що хоч і дуже вони люде учені, а бач — дурні! Де ж таки видно, щоб хто з майстрів за роботу грошей не брав! Ну, та нічого, думає він далі, — як добре зроблять, то я добре й заплатю, — даром чужої праці не схочу“.

Як зробили уговор і про усе, що треба, як слід умовились, зараз кинулись майстрі по дворищу, стали скрізь міряти та плани наводити, а далі й кажуть до Остапа:

— Твоя стара хата стоїть у найкращому місці. Треба її небезпремінно розвалити, а на тому місці нову хату будувати.

Заболіло у Остапа серце: дуже не хотілось йому ламати батьківсыкої хати. Так майстрі твердо стоять на своєму, а тут і сини до них пристають. Бачить він, що не переважить їх та й каже:

— Ну, що-ж, нічого робити: коли треба то й розваляйте! Тепер весна, ми зробимо серед двору курінь, або й два; на кабиці будем пекти і варити, а ви, дасть Бог, до осени поставите нову хату.

Тільки успів Остап про те сказати, коли дивиться, аж у двір суне велике товпище робітників та справжніх майстрів; бо у кожного у руках, коли не лом залізний, так величезна сокира, або ж здоровенный залізний гак. Відкіля вони взялися, він і сам не знав: мов би з неба упали. Ідуть вони у двір, та ще й других за собою кличуть: „Ванька да Хролка, Нікішка да Ніколка“ звісно, — москалі. Кинулись усі вони прожогом до старої хати і давай її ламати! Ломами бьють, сокирами рубають, та крюччями на всі боки розтягають. Тільки і чути, як кругом хати вигукують: „Навалісь, Ванька, навалісь!.. Ташші, Ніколка, ташші!“ Не вспів Остап і придивитися добре, як вони уже і кришу розтягли, і стіни розваляли, а далі, незабаром, і піч розкидали.

— „Оце так! — думає собі Остап, — швидка робота: нічого сказати! Видно, що ламати та розтягати вони дуже великі майстрі! Побачимо, яку то вони нову хату зроблять?“

Важко йому було дивитися на розвалене батьківське гніздо, жалко було старої хати, так він пішов аж у садок, сів там, та й зажурився. Та тільки не довго він там сидів. Скоро покликали його майстрі на пораду: як і коли начинати постройку і по якому плану її строїти. Сидять усі главні майстрі кругом столу, і перед кожним лежить розвернутий план; та тільки кожний свій план дуже хвалить, а другого — гудить. Довго вони балакали, та доказували один другому, а далі зачали між собою спорити.

— Нічого не розбере Остап, про що вони спорять;

тільки й розібрав добре, що постройку вони затівають дуже велику, але здається йому не таку, як слід.

От Остап і каже до них:

Нічого не второпаю я у оцих ваших планах. Та мені де-далі однаково: яку построїте хату, така і буде, бо мого віку уже небогато зосталось. А от моїм синам доведеться у новій хаті цілий вік жити; так ви, спасибі вам, їх попитайте, з ними совіт держіть, щоб вони упослі на мене не ремствували.

Зараз нагукали і скликали до столу усіх синів і онуків, а потім майстрі скоро з ними столкувались, коли, як і що робити. Загадали далі майстрі купувати та возити: цеглу, ліс, пісок, звьостку і усе, що треба для постройки, а на другий день, як прочистили місце, де була стара хата, узялись вони для хундаменту ями копати. Копають вони день, копають — другий, копають і третій; і викопали уже такі глибокі ями, хоч мертвяків ховай, а усе не кидають роботи. Не утерпів Остап, та й питає:

— На що ви так дуже глибоко копаєте? На мертвяків чи що?

А майстрі засміялись, та й кажуть:

— Ти, хазяїн, у нашій роботі, як видно, нічого добре не розбираєш, так через те отак і питаєш. Ми узялись построїти тобі таку кріпку та гарну хату, щоб їй ніколи і віку не було; а тепер, по новим правилам, треба хундамент усе углибляти, та й углибляти, бо чим викопаєм глибше, тим хата буде кріпше. Треба зробити тобі таку хату, щоб нам за неї дякували: і твої сини, і онуки, і правнуки, і усе потомство. Хата буде велика і дуже простора, і усякому буде у ній велика свобода: хто що схоче, те в ній і робитиме.

Нічого не сказав на те Остап, тільки рукою махнув та й пішов од них; бо він уже добре розібрав, що це буде не хата, а велика на гроші утрата. Він би тепер і майстрів з двору повигонив, так бачить, що сини їх слухають і дуже на їх вірять. А синам спервоначалу таки дуже кортіло, щоб швидче була нова хата.

Отак і пішла робота коло нової хати день за днем. Ходить мовчки Остап, придивляється і до майстрів, і до постройки; робота неначе іде що-дня своїм ходом, а тільки діло, здається, усе стоїть на одному місці. Багато майстрі уклали у той хундамент цегли, щебню та звьостки, а ніяк тих ям не закладуть.

Та й роблять вони якось чудно. Оце зразу візьмуться гуртом, і робота неначе аж кипить, аж горить, та тільки ненадовго. Дивись, уже бросили, уже зібрались на якийсь совіт. Тай совіт у їх не такий, як у людей, а так чорти-батька зна-що! Зберуться усі в одну кучу, постановлять посередині стіл, а тоді злізе на його хто-небудь, та й кричить до усіх, вигукує, та руками розмахує. Тільки скінчає один балакати, лізе другий і теж кричить та доказує, а за ним лізе третій, а там — четвертий. І кожний сам себе вихваляє, а другого гудить; добалакаются до того, що усе, що на світі є, усе їм здається не таке, як слід; і що як би мали вони силу, так і увесь світ перевернули б догори ногами.

— „Ех, — думає Остап, — багато у вас ума, та мало толку: ум за розум заходить!“

Слухає-слухає він, наслухається так добре, що аж нудно йому стане, а тоді плюне з серця, та й піде геть! Досадно йому що збірають усіх на совіт, одривають од роботи, а виходить не совіт, а одна дурна балачка. І ще б нічого, як би та балачка була похожа на діло, а то верзуть таке, що й на голову не надінеш. Та як набалакаються усі так добре, що аж похрипнуть, так тоді, дивись, кинуться усі до того місця, де уже заклали хундамент, та зачнуть його роскидати, та упять землю копать.

Отак хоч і роблять майстрі кожний день, а діло усе стоїть на одному місці; а тут уже кінчається весна, та заходить літо. Журиться Остап, дуже журиться, та не знає, як ділові пособити.

— Це не майстрі, — каже він сам собі, — а велика напасть, наказаніе Господнє! Ну, де вони у чортового батька взялись на мою голову? Як би не москалі, то ще б таки нічого: із своїм чоловіком і роспитатися можна швидче, і що він у договорі сказав, те й зробить; а з цими прямо одно лихо: инший раз нічого не второпаєш, що він і белькоче, а найгірше те, що каже одно, а робить зовсім друге. Не даром ще діди та батьки наші казали: „із москалем ніякого діла не зачинай, а краще поли уріж, та тікай“.

Добре бачить Остап, що не вистроять вони йому хати, а тільки переведуть багато грошей і усякого добра. А найбільше припікає йому аж до печінок, що і сини його одбиваються од хазяйської роботи, ходять часто до їх на совіт слухати, що вони балакають, а як коли, так ще й син котрий небудь вилізе на стіл, та й собі почне балакати.

Довго журився Остап, а далі заспокоївся, та й поклав усю надію на Бога милосердного: „нехай, — думав він — сини до їх прислухаються та придивляються: скоро і вони їх добре розберуть“.

Так воно й вийшло, як Остап думав. Чим далі, майстрі стали більше командувати та вередувати: і те не так, і друге не гаразд, і харчі не добрі. Давай їм більше масла та сметани, вари що-дня вареники, та щоб багато було мняса, баранини, або курятини. А до роботи уже не дуже й кидаються, а одно більше балакають. А один раз покликали до себе на совіт Остапа і усіх синів з онуками, та й кажуть, що вони надумали зробити таку велику і простору хату, що й самі усі зостануться з ними у тій хаті жити і будуть гуртом усяке хазяйське діло робити. І що тоді усе буде у їх заодно, і усі будуть однакові та рівні; через те і зватьсся усі будуть не люде, а якісь товариші, а хата уже буде не хата, а якась комунія.

Слухає Остап, що вони брешуть, та й думає: — „Отуди к чортовому батькові! Добалакались, бісові москалі, як раз до краю! Не даром сказано: посади свиню за стіл, а вона й ноги на стіл.

Та й сини Остапови після такої балачки зразу зрозуміли, куди москалі стріляють. То вони їм дуже

Іще й давніше у дворі, та в хазяйстві Остаповому майстрі робили, що самі хотіли, мов би у своєму доброму. А тепер, після цієї балачки, зачали вони направляти свою комунію, та ще гірше стали самоправничати: хліб із винбаря скільки хочуть, стільки й беруть; скотину та овець коли здумають, тоді й ріжуть; роботу свою уже зовсім покинули, зачали пянствувати, у карти грати, та з поганими жінками водиться.

— Оце вам і комунія — казав Остап своїм дітям. — Довго ви їх слухали, а тепер добре на їх дивіться, та й собі навчіться, як на світі жити. Одно нам тепер остається зробити: витурити їх усіх з нашого двору, щоб і духу їх тут не було. Нехай ідуть у свою Россію та там і правлять оцю бісову комунію, чортам на радість, — а нам вона не з руки. Тепер я добре бачу, що москалі видумали цю комунію на свою голову: підніметься і устане против їх усякий народ, який на світі є, та й буде од того москалям велике лихо! Ну, що-ж! Котюзі по заслузі! Давно сказано: лиха іскра увесь світ підпалить, та й сама пощезне!

Після того стали Остапови сини до усього докопуватися, та указувати майстрам, що вони погано роблять, та даром усяке добро переводять, так ті підняли крик, зачали дуже по чорному лаятися, а далі дійшло уже й до бійки. Кинулись, було Остапові сини виганяти їх із двору, та не виженуть: багато їх нашилось у двір, та ще й усі дуже гладкі та здорові. Мучились вони з ними отак щось довго, та якось ноччу, як ті пьяні поукладались спати, де хто попав, зібрав сам Остап усю свою сімью, забрали у руки вила, граблі, кійки та дрючки та й зачали давати москалям такого доброго чосу, що ті самі кинулись тікати із двору. За двором учинилась між ними добра бійка, мов би справжня війна, і все-ж таки, хоч москалів було і дуже багато, а Остапова сімья узяла верх, та й протурила їх геть далеко од свого займища.

Трохи оддихнув, було, Остап із синами од діявольської комунії, і од кацапського духу, і уже було узялись вони у хазяйстві свої порядки направляти, та тільки ненадовго. Скоро москалі вернулись до їх знову із великою силою, заплінили Остапове сімейство, заволоділи усім хазяйством і стали порядкувати тут знов по свойому, проживати та переводити чуже добро, а Остапа з синами та онуками повернули у своїх робітників.

Довго терпів Остап із своїм сімейством отаку чортову напасть, набрався немало усякого лиха, та наси-

лу уже, покоштувавши гіркого життя, додумавсь старою головою, що своїми силами тут нічого не вдієш, а треба запобігти помочі од других людей.

Надумав отаке Остап та й змовився з своїми давніми сусідами, у котрих теж верховодили москали та не давали їм доброго життя; зібрались вони усі с великою силою, та й вигнали москалів із своїх земель так далеко, що ті уже до їх ніколи більше не вертались, бо і поткнутися туди боялись.

Зостався Остап із своїм сімейством без хати, а уже стала осінь заходити. Живуть вони кой-коли без борщу, а як коли, так і без хліба, бо нівчому добре ні спекти, ні зварити. Тепер самі сини частенько згадують та й кажуть, що зараз вони були б дуже раді старій дідовій хаті, та горенько, що й сліду її немає, не пригадаєш, яка вона й була. А замісць нової хати, що москалі брались зробити, зостались у дворі багато глибоких ям, закладених до половини цеглою та щебнем. Поробили вони собі із тих ям землянки, щоб якнебудь перезімуватися до весни.

Збірається Остап із своїми синами строїти весною сам собі хату. Думають вони зробити хату велику і простору, щоб сімейству у ній гарно жилось, добре їлось і пилось.

Та тільки тепер вони уже не хочуть шукати дуже розумних майстрів із чужого народу, бо єсть і свої гарні майстрі, котрі зроблять добру хату без видумок, а як-раз таку, яку забажає сам Остап та його сини.

Тепер вони добре знають, що краще в світі жити своїм розумом, який Бог дав, ніж чужим — позиченим.

А за москалів Остап не хоче нічого і слухати. Коли ж ненароком зайде про їх у сімействі яка балачка, то він візьме перехреститься, та й скаже: „Борони нас Господи од усякої напасті, а найпаче од тих вражих москалів".

А. Кирьянова.

* * *

Лампада и... клятва,
Лик Пресвятой Богородицы...
Улицы. Станция... Та! та-та,
Та! та-та...
— Отходит поезд...

——

Ночь глядит в окна.
Темная ноченька, темная!..
Смеется кто-то,
Кто-то зевает сонно...

——

Та! та-та,
Та! та-та... И умолк.
Кто вышел. Кто-то вошел...
Гукнул по стеклам сонный гудок.
Та! та-та,
Та! та-та... Поехал. Пошел...

——

Долго, долго... летят искры
Целую ночь бесконечную,
Ноченьку мглистую,
Вечную...
Вечную!..

——

Клятва... Лампада...
— Скорей бы мятель прогудела!..
Знакомый у станции сад...
Колеса песню отпели...
Та! та-та,
Та! та-та... Вылезай!..
В улицах мечется песий лай.
Звякнул засов на воротах...
В усталом мозгу: та! та-та,
Та! та-та! та-а-ах...

——

Горы, леса —
Туманом об'яты.
Туман — разделил нас,
Сблизила — клятва...

——

Скорей бы — весна!..
В усталом мозгу: та! та-та,
Та! та-та... та-а-а...

Микола Оверкович.

* * *

І сталося! Скінчилась боротьба...
Поляглих тліють кості благородні...
Козак, свобідний вчора ще, сьогодні —
Рабом раба...

Відкинуто пощерблені шаблі
Та знято з коней сідла і підпруги —
В руках борців невольницькії плуги,
Серпи й граблі.

Прапори згорнено... Подоланий орач
Недавній клич святої перемоги
Змінив на тужний, тихий і убогий
Безсилий плач.

Минувся час захоплення й пісень,
Надій, змагань, побід гучних і слави —
В останніх промінях кривавої заграви
Загаснув день...

Подолано веселий вільний край.
Свободу втоплено в потоках сліз і крови;
На шиї лицаря ганебнії окови,
Над ним — нагай.

Розперезавсь лукавий, підлий кат
На цвинтарю німої туги...
І тягне знов ярмо з останньої натуги
Мовчазний брат...

——

Ще не кінець... О, ні! О, ні!
Ще буде суд святий і правий.
Ще буде буря... У борні
Дійдуть невільники до слави.

Ще ніч, та близиться світанок.
Й веселим ясним сяйвом ранок
Розірве темноти серпанок.

Під попілом невгаслим жаром
Ще тліє искра й незабаром
Могутнім спалахне пожаром.

І прийде день, настане день —
Невільники катів осудять...
Знов згуки визвольних пісень
До бою здоланого збудять.

Прогнозы.

— Россия распадается, России не будет. Ее уже нет.

Это категорическое утверждение с недоумением и ужасом выслушала редакция русского парижского органа из уст „наблюдательного иностранца, проехавшего по всей России, от Москвы до Тифлиса". („Дни", № 11).

На какие части распадется Россия, вернее — современный ее ersatz — СССР? На это отвечает другой иностранец, на этот раз уже во французском журнале. На месте нынешнего СССР на Востоке Европы, по его мысли, встанут два блока. Один — на севере, от Балтийского моря и до Владивостока, с центром в Москве, с главенствующим великорусским народом, — нынешняя РСФСР. Другой — на юге из шести государств: Северного Кавказа (Казачьи Земли), Армении, Грузии, Азербейджана, Украины и Туркестана. В великорусском блоке автор насчитывает восемьдесят миллионов населения, в блоке шести государств — пятьдесят пять („Le Correspondant", № 1583, ст. Роже Лабона).

В эту схему можно и должно было бы внести известные поправки и дополнения. Французский политик взял слишком общие цифры и такие же общие границы; не дооценил, а может быть, не был осведомлен о росте и силе сепаратистического движения, напр., в Сибири, стремящегося ныне к самостоятельности и к контакту, или союзу с Украиной (см. Харбинскую „Зарю", № 279 за минувший год), и т. д. Дело, однако, не в этих подробностях. Важно то, что иностранец четко и ясно отметил и обозначил те процессы, которые происходят на Востоке Европы, и дал им точную политическую оценку. Психология и социальное строение их, говорит автор об указанных выше шести державах, совершенно отличные от московского массива, и суверенность для них — не пустое слово. На советском дереве они — более или менее созревшие плоды, готовые оторваться от него при первом серьезном потрясении.

Не указан никому день и час этого потрясения, но сроки близятся. Все мы об этом знаем и должны к этому готовиться. Каждый раз, поэтому, необходимо производить анализ современного положения, делать учет сил и всей обстановки.

Московский и Черноморско-Каспийский блоки... Восемьдесят и пятьдесят пять миллионов... Единое более или менее государство на севере и режиональный (областной) союз государств на юге... Борьба за порабощение и борьба освободительная... Что нам предстоит в ближайшем будущем?

Российские эмигранты всех мастей и оттенков, от монархистов до социалистов включительно, грозят: — Войной пойдем, животом наляжем, задавим. — Воля к войне у них, несомненно, была и есть. Не зная часто, куда и зачем, во всей истории своей, и при Московских царях, и при Российских императорах, великорусский народ всегда шел на завоевание чужих земель, на ограбление чужих народов. Пойдет ли он еще раз под предводительством эмигрантских верхов: монархических, демократических, социалистических, или, наконец, евразийских, что так достойно заполнили собою недоставшее в российской политической цепи звено между большевиками и монархистами? А если пойдет, то под силу ли ему будет вторичное завоевание всего комплекса Черноморско-Каспийских государств?

Ответим сначала на второй вопрос. Количественно Москва сильнее, но перевес численной силы ея не настолько уже велик, чтобы исключал для нее возможности поражения. Количество — в наше время — перестало быть залогом победы, особенно там, — на Востоке Европы. Военные авторитеты единодушно говорят о том, что лучшими воинами бывшей российской империи были не великороссы и не северные инородцы, а как раз их теперешние противники: украинцы, донцы, кубанцы, сибиряки, восточные народы. И к тому же в современной вооруженной борьбе, в которой сторонами являются уже не одни армии, а целые народы, решает дело не столько техника, сколько то, за какую идею борются между собою противники. Побеждает и должен в конечном счете победить тот, кто воодушевлен высокой идеей. Народы, воодушевленные такой идеей, вступая в борьбу, могут не бояться своего будущего.

В этой последней фразе заключается ответ и на первый из выше поставленных вопросов. Внутреннее психологическое состояние нашего противника таково, что на этот раз великорусский народ может и не откликнуться на зов своих эмигрантских, или иных вождей и не пойти на новую войну и новое завоевание.

Какой идейный стимул мог бы подвинуть этот народ на смерть и борьбу, на новые жертвы? В прошлом у него этого стимула не было, но было великолепно организованное принуждение, все заменявшее до поры до времени. „Утвердилось русское государство, — писал в свое время Герцен, — страшными средствами; рабством, кнутом, казнями гнали народ русский к образованию огромной империи, сквозь строй шел он на совершение судеб своих" („Былое и думы", V, 463).

Государственная катастрофа 1917 года сломала все сложные монархические винты имперского принуждения и развязала подавленное у не-великорусских народов творческое национальное чувство. Большевики сделали попытку вставить в прежний государственный механизм новые, коммунистические, части и тем наладить новое принуждение. До известной степени они в этом успели, но успели это сделать, более или

менее, только в пределах РСФСР. В остальных частях СССР раз возродившийся национализм продолжал расти и крепнуть даже „под пятой у супостата".

„Волга, Украина, Кавказ, — читаем в „Днях" утверждение все того-же „наблюдательного иностранца", насыщены действенными, непримиримыми, наступающими под маской коммунизма, а иногда открыто, противо-русскими, может быть, правильнее сказать, противо-российскими, национализмами. Среди них нет одного — русского. Иностранца поразило в России отсутствие русского национального сознания (Тут и ниже курсив „Дней"). К этому „Дни" прибавляют от себя: „В РСФСР, т. е. в чисто русских областях, преподавание — интернационально. А во всех прочих республиках и автономных областях — сугубо-национально, т. е. националистично, заострено ненавистью ко всему русскому". В прошлом было несколько лучше. Было в народе некое „чувство России", и этим „чувством держалось российское государство". Теперь, констатируют „Дни", это чувство искореняется, а без него „население превращается в историческое ничто, в навоз истории, в удобрительные туки чужих национализмов".

Мы не идем так далеко, как этот русский социалистический журнал, и представляем себе будущее великорусского народа не в таком мрачном свете. Но доля правды в этом есть. По причинам, о которых долго было бы говорить, великорусский народ на этот раз оказался пасынком истории. Большевики сделали из него защитника „социалистического отечества", выдуманного бредовой фантазией Ленина и его компании. Борьба двух государственных блоков — северного и южного, — если ей суждено быть, — будет вместе с тем и борьбой двух идей: идеи московского коммунизма с идеей подлинного национализма. Творческая сила, таким образом, не на стороне московского массива, а на стороне народов Черного моря и Каспия. Выступив на защиту народного счастья, свободы и самостоятельности, они — непобедимы.

Приведенный анализ психологического соотношения сил дает Черноморско-Каспийскому блоку надежду и уверенность в исходе возможного столкновения, но само столкновение этим едва-ли устраняется. Учесть до конца сцепление частиц национально не собранного, распыленного великорусского народа невозможно, невозможно сейчас безошибочно определить и направление этого сцепления. Великие патриоты своего народа учат, что к войне необходимо быть готовым, чтобы не быть застигнутым врасплох, но одновременно необходимо сделать все, чтобы избежать излишнего кровопролития. И без того уже много, слишком много, пролилось крови...

Еще недавно казалось, что для мирного решения вопроса нет никаких перспектив, не только внутренних, но и внешних. О внутренних мы говорили выше, — там перспективы есть. Есть и внешние. Известную надежду в этом отношении подают изменения, наблюдаемые за последнее время в государственной международной мысли в Европе.

Еще два — три года тому назад перед народами Востока Европы стояла большая опасность, что в Европе их борьба за самостоятельную государственность не встретит никакой активной симпатии, что все их патриотическое движение будет об'явлено внутренним делом России, или СССР, — для Европы это было безразлично. Многим европейским политическим кругам, по разным причинам, казалось невыгодным „расчленение" СССР и представлялось желательным сохранение „единой неделимой", все равно под каким названием.

Особенно распространена была эта мысль во Франции, где все время жили надеждой, что „обновленная Россия" возобновит довоенный франко-русский союз, который, как думали французы, явится для них наилучшей гарантией безопасности против возможного нападения Германии. В настоящее время, как кажется, надежда эта угасла навсегда. Как это видно из появляющихся время от времени статей во влиятельной французской прессе, французы поняли, что ни большевики, ни те, кто придут за ними к власти в Москве, союза с Францией не возобновят, а останутся союзниками Германии, следуя давней исторической, а потом большевицкой, политической традиции. Под влиянием этих совершенно резонных рассуждений у французов упал всякий интерес к восстановлению прежней России, которая лишь увеличила бы силу их противника, и появился естественный интерес к государствам возможного Черноморско-Каспийского блока. Аналогичный процес политической мысли прошел еще раньше в Англии и Италии. О соседних с СССР государствах говорить нечего, — там эта мысль усвоена давно и прочно, так как они географически ближе и потому лучше осведомлены.

Появление самостоятельных государств на Востоке Европы, как на это можно теперь надеяться, встретит всеобщую симпатию в европейских политических кругах, а это даст им такую моральную поддержку, которую переоценить не возможно. К этому надо еще прибавить, что симпатия эта, при известных условиях, может из сферы платонической перейти в плоскость реальную.

Какую? Об этом, пожалуй, говорить преждевременно.

♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦

Вл. Куртин.

1929 год.

Прав ли был Достоевский, сказавший, что человек — подлец — ко всему привыкает?

Неужели-же, действительно, привыкает ко всему?..

Но, пусть и так. Пусть „привыкает“. Но, есть привычка и привычка. Пусть привыкает ко всему, что есть. Что есть сейчас. Пусть мирится с действительностью. С такою, какова она сейчас. — Выше головы не прыгнешь. А добровольным возвращением билета на жизнь ничего не изменишь.

Но главное-то ведь в том: живем мы, или доживаем? Если живем и „привыкли“, т. е., терпим, — еще не беда. Ибо, не казак тот, кто терпит без надежды быть атаманом. Ну, а если доживаем? Если привыкли и на будущее?.. Вот на такое, как и нынешнее настоящее?..

О, если Достоевский и о такой „привычке“ думал; если он и в этом случае прав, — тогда человек, действительно, „подлец“.

И призывать его сеять сейчас, чтобы всходы иметь в будущем — мертвое дело.

Ибо у него не было прошлого. Нет и будущего.

Но, в таком случае, человек не только „подлец“. Он и не человек. Просто: человекоподобная обезьяна. Которая не знает, что было вчера и совершенно не интересуется тем, что будет завтра...

К счастью, среди казаков таких „привыкших“ нет. По той простой причине, что привыкнуть, т. е., примириться с настоящим навсегда — недопускает его собственное прошлое.

Былое и Будущность это — мост над быстротекущим настоящим. Потому-то, чтобы зажечь волю к созданию Будущего, прибегали часто даже к фальсификации прошлого. Или к гиперболической ее идеализации.

Фанатики хорватского ренесанса спасли хорватский народ от германо-мадьяризации, взявши за основу хорватского Будущего — Иллирское прошлое Использовали его, как свое прошлое...

Нам-же, в наших призывах к светлому Будущему, нет надобности прибегать ни к фальсификации, ни к идеализации нашего прошлого. Тем менее — приписывать своему прошлому то, что было достоянием других.

Нам не нужно и выдумывать свое Будущее. Оно нам не неведомо. Ибо, в главном, зовем сделать только то, что было. Веря, что как было, так — будет.

А было и истинно и идеально. И ныне, чем больше присматриваемся к развитию форм современной жизни, тем больше видим факторов, диктующих неотложное использование капитала, оставленного нам нашими предками.

Вступая в еще один год своей эмигрантской жизни, мы верим, что ни один казак не примирился с мыслью, что он „доживает“.

Верим, что казак не „привык“, а терпит. И, что главное: терпит с тем, чтобы не сегодня — завтра стать Атаманом.

„Столпничество“ не в натуре казака. Не в его натуре терпение, как непротивление злу. Наоборот: терпение (выносливость) в борьбе со злом.

Казачество по праву может гордиться исключительными примерами такого рода терпения (привычки). Которые, конечно, по закону наследственности, и ныне живут в нем...

Мы верим (ибо знаем!), что все казаки таковы.

И, вступая в Новый Год, мы призываем только к организованному приложению сил для скорейшего достижения победы.

Для сооружения нашего Будущего, достойного нашего славного прошлого.

♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦

Инж. В. Бейсуг.

О географическом положении Казачьих Земель.

„Вечный мир возможен только на кладбище“, сказал когда то Гете. Он был прав. Не нужно обладать даром особой аналитической мысли, чтобы, всмотревшись в окружающую жизнь, увидеть во всем борьбу в широком смысле слова. В борьбе за жизнь протекает вся жизнь человека, борются между собой целые народы и расы. Инстинкт борьбы за существование принадлежит к первородным жизненным инстинктам. Формы борьбы различны; проявления ее иногда скрыты, иногда явны. Типичным ее проявлением явным является борьба экономическая — отдельных людей, обществ, классов, народов, наций. В этой борьбе есть своя стратегия, своя тактика. Стратегия, как известно, есть наука о том, как распределить войска до боя в целях подготовления победы. Аналогичное понимание можно применить и для понятия стратегии в борьбе экономической. И там и здесь первостепенное значение имеет местность. Полководец в своих планах ограничен рядом естественных условий, которые нельзя изменить, которые нужно принимать, как факт и по ним равняться. Такое же значение имеет для экономиста комплекс географических данных районов и земель, на которых разыгрывается процесс экономической борьбы, ибо историко-экономические процессы всегда бывают тесно связаны с местом их развития, и связаны не только внешне, но и внутренно, путами причинной и следственной связи.

Географические факторы должны быть принимаемы, как данные абсолютные. Дерзкая рука человека XX в. налагает свою руку и на данные географии. Однако, все его „гордые“ достижения здесь в мировом масштабе настолько ничтожны, что все же географические данные приходится относить по ту сторону границы, в область, где лежат факторы „их же не превзойдеши“. Распределение по земной поверхности суши, морей, данные климата, строение почвы и т. д. — все эти факторы создают известную готовую сцену, ставят декорации для событий, во многом их просто предопределяют. Социальная, политическая, культурная, экономическая и др. стороны жизни тесно сплетены между собой, входят одна в другую, все вместе — входят в землю, ибо она в конечном итоге сцена, на которой разыгрываются жизненные спектакли.

Подобно тому, как полководец может быть поставлен данными географии в столь невыгодное положение для предстоящей кампании, что никакой талант не поможет ему найти удачные исходы, так и данное социально-экономическое целое может оказаться в таком географическом положении, что исход его экономической борьбы заранее обречен на неудачу. В самом деле, могут ли жители Огненной Земли расчитывать на цветущее свое экономическое будущее? Могут ли затерянные в снегах эскимосы мечтать стать полноправными членами мирового хозяйства? — Едва ли, ибо рок истории указал им для жизни место там, где географические данные связывают и сковывают всякое развитие экономического бытия.

Оценить свою географическую сцену, взглянуть на свои земли с точки зрения мирового экономико-географического целого, сравнить свое место. под луной с местами другими — вот наша задача. Задача не легкая, ибо сама то идея „увязки исторических процессов с местом их развития“, — идея хотя и старая, но далеко не изученная.

Если евразийцы, оперируя с 1/6 частью суши, все еще ищут место для своей Евразии и лишь проблема-

тично рисуют перспективы ее развития на данных географических, то где уж было раньше науке искать место для Казачьих Земель? Рассматривание и сопоставление такой „частности“ непосредственно с мировым целым, не через призму Империи, не приходило никому в голову. Или может быть приходило, да считалось лишним, опасным (кстати, такое рассматривание и сопоставление ведь вовсе не обязывало бы автора к политическим выводам), даже „неинтересным“? Тем труднее наша задача, если мы хотим не только взглянуть на Казачьи Земли с точки зрения мирового географико-экономического целого, но и наметить те положительные и отрицательные стороны их географического положения, какие могли бы иметь значение в процессе вхождения Казачьих Земель в орбиту мировой экономической борьбы и эволюции.

Мы считаем свою попытку первым синтетическим подходом этого рода; если в этом отношении ошибаемся, то будем благодарны за указание каждому. Как первая попытка, она будет связана с ошибками и неполностью; это же заставляет нас вести изложение исключительно схематически, намечая отдельные положения, но не входя пока в их разбор.

Итак, раскроем перед собой карту мира и проанализируем то ее место, которое редакция журнала „В. К.“ изобразила на отдельной карте (см. № 23) под именем „Земель Европейского Казачества“.

Поверхность земного шара равна 510.000.000 кв. км.; из них на долю суши приходится 144 мил. кв км. Земли 6 Европейских Казачьих Войск занимают поверхность 1.165.404,6 кв. км., т.-е., приблизительно 1/113 часть всей земной суши. Явления потребления и распределения возможны, собственно, в любой части земной поверхности. Явления производства возможны в значительно меньшей зоне. Откинув 10 мил. кв. км. на реки, озера, земли арктические, болота, мы увидим, что из остающихся 134 мил. кв. км. лишь 40% (приблизительно) приходится на земли, доступные каким либо производительным процессам. Остаток следует разделить пополам между нетронутыми и пока неимеющими большого хозяйственного значения лесами (типа лесов тропических или тайги Сибири) и пустынями, солончаками и вообще землями без перспектив хозяйственного развития в ближайшем будущем.

Сравнивая общую площадь Казачьих Земель с культурной земной поверхностью, мы получим отношение уже в $^1/_{54}$, что и делает из них на карте мира уже далеко не точку.

Строение земной поверхности является результатом действия факторов характера внутреннего и внешнего. К первым относятся землетрясение и вулканическая деятельность. Оба эти фактора не являются безразличными для хода экономической жизни. Точные сейсмографические приборы показывают, что каждые $2^1/_4$ часа какая либо часть земной коры приходит в движение, т. е. человечество все время как бы трясется. Однако, такое трясение экономиста не занимает. Нас может интересовать лишь крупные события этого рода. Действительно, в ряде мест земной поверхности землетрясения должны быть принимаемы в расчет, как регулярно действующий фактор экономической жизни. Дорого обходится Японии ее положение в районе вечных встрясок, из которых многие приносят Японии миллиардные убытки и сметают в несколько минут результаты многолетнего труда миллионов людей. В Токио каждый четвертый день сейсмографы отмечают подземные толчки, и большой процент домов падает, благодаря этому на дома деревянные. Тоже в Чили. Такие края всегда стоят в невыгодном положении в смысле кредита. Государственный бюджет лежащих там стран часто бывает обременен отпуском средств на оказание соответствующей помощи населению (напр. в Италии). Страхование бывает затруднительно, ибо убытки доходят до слишком огромных размеров и т. д.

Наличие вулканов, благодаря редкости извержений, не придает, такого опасного характера той или другой части земной суши и не вырывает твердую базу для экономического строительства. Наоборот, застывшая и разложившаяся лава и пепел представляют часто плодородную почву, что иногда привлекает население: склоны Этны в Италии представляют уникум в смысле густоты населения. В землях, изобилующих сопками и вулканами, нередко встречаются специальные ископаемые: пемза, сера и т. д. В конечном итоге, некоторые ученые утверждают, что деятельность европейских сопок и вулканов принесла меньше убытков, чем те суммы, которые истратили международные туристы на осмотр подобных мест.

Казачьи Земли не лежат, к счастью, в тех частях суши, которые находятся под вечной угрозой катастрофических пертурбаций. Близость Кавказских гор, недавнее землетрясение в Крыму дают известное „memento mori“, но в то же время, основываясь на данных исторического периода человечества, район Казачьих Земель можно смело считать за место „спокойное“. Ряд сопок (напр. на Таманском полуострове), наоборот, в будущем, возможно, даст материал для использования (горячие источники, целебные свойства солнечной грязи, минеральные воды и т. д.).

К факторам внешним, влияющим на характер земной поверхности, относятся: лед, реки, ветер, перемена температуры; главное реки. О значении рек для Казачьих Земель в области торговли и транспорта мы поговорим в дальнейшем, сейчас же коснемся их с другой стороны.

Европейские реки имеют двоякий уклон: 1) к океану Атлантическому, Северному, морям Балтийскому и Северному, 2) к морям Средиземному, Черному и Каспийскому. Первая группа рек характеризовалась до последнего времени удобностью сплава, вторая — большим количеством рыбы. Казачьи Земли лежат в области рек второго рода. Экономически наиболее выгодным является положение у устья, т. к. именно здесь как бы подытоживается значение реки: ее бассейн часто достигает большой площади, здесь откладывается главная масса наносов, влияющих на химический состав почвы и ее физическое строение, несомая большим количеством воды энергия доходит до максимума и т. д. Наконец, обыкновенно именно в нижних течениях рек образуется та равнина с мягким уклоном, которая является наиболее благоприятной для земледелия.

Волей судеб все это и характеризует Казачьи Земли. Они лежат в той части суши, где Европейская равнина мягко склоняется на юг и восток. Терек, Кума, Волга, Урал, Дон, Маныч и Кубань пересекают Казачьи Земли почти поперек, создавая территориальный комплекс с уклоном к Каспийскому морю, а с другой стороны, к морю Азовскому и, отчасти, к Черному. Бассейны этих рек или целиком входят в Казачьи Земли, или входят в своих нижних частях. Т. обр., эта область юго-восточной смычки Европы с Азией, благодаря общему расположению системы рек и направлению их русел, не только не теряет, но, наоборот, еще больше приобретает характер географического единства.

В климатическом отношении Казачьи Земли не представляют единого целого. Между климатическими условиями Оренбурга и Гаграми, или Сочи лежит большая пропасть. Однако, такое „неединство“ представляет выгоды: на нем зиждется необходимость живого внутреннего товарообмена, вызываемая различием формы. Действительно, пестрота растительного мира Казачьих Земель очень велика в сравнении с относительно небольшой разницей широт (13°) их северных и южных точек (если брать Гагры 43° сев. шир., а Челябинск 57°) и обусловливается именно климатическими различиями. Подобную пестроту флоры, при относительно небольшой протяженности по меридиану, можно наблюдать далеко не по всему земному шару. Интересно, что если земной полюс холода и полюс тепла соединить прямой линией, то Казачьи Земли окажутся, во-первых, недалеко от этой прямой (конечно, в масштабах карты всего мира), а во-вторых, не так уж далеко и от самых полюсов. Своими северными частями Казачьи Земли входят в области резко выраженного континентального климата, в царство сибирских холодов; южные границы подходят к царству апельсина, чайных плантаций и даже банана. Когда подобные контрасты мы находили в пределах целой бывшей Российской Империи — этому удивляться не приходилось: на то она и

занимала $^1/_6$ часть суши; но такие сочетания на территории $^1/_{54}$ части суши поистине удивительны.

Рассматривая влияние климата на человека, многие ученые строят оригинальный парадокс, констатируя, что высокая культура Европы во многом обязана плохому европейскому климату, заставлявшему человека приспособляться, воевать с природой, дождями, холодом. Сырой климат Европы, в частности, принуждал человека проводить много времени в крытом помещении, что способствовало развитию промышленности. Если это так, то аналогичное влияние в Казачьих Землях могла бы иметь долгая зима. Хотя, говоря вообще, на развитии промышленности климат сказывается меньше, чем на развитии земледелия. Далее, население Казачьих Областей, закаленное довольно резкими колебаниями годовой температуры, теоретически уже должно принадлежать к числу тех обитателей южной и восточной Европы, которые превосходно акклиматизируются, и приспособляются к любым климатическим условиям лучше, чем население северной и западной Европы.

Сумма факторов, относимых к устройству земной коры и климату, является основным условием, предопределяющим флору данных областей, а след., предопределяющим и развитие формы всех земледельческих культур и отраслей промышленности, с последними тесно связанных. Можно различать 2 рода ландшафта: т. наз. Urlandschaft — первородный (т. е. страны степные, болота, первобытные леса, вообще земли с флорой не измененной рукой человека). и ландшафт культурный — Kulturlandschaft (т. е., где усилиями человека флора приспособляется к его хозяйственным нуждам). Данные истории культуры говорят за то, что земледелие родилось не в лесах, и не в беспредельных степях, но в степях, граничащих с лесами, или ими пересеченных. К этого именно рода землям и относится родина всех видов злаков. Хозяйственное развитие человечества шло под знаком борьбы с лесной стихией, обращением растительности лесной в степную. Начиная с V ст. и до XIII ст. включительно в Европе совершается процесс борьбы с лесом, уничтожение девственных непроходимых лесов седой старины.

Комплекс Казачьих Земель своей главной массой лежит в месте, которое именуется степной „полосой", не беспредельными степными равнинами, а именно „полосой". Полоса эта граничит с лесом. Т. е., как раз в районе современных Казачьих Земель мы можем видеть осуществление той выгодной комбинации географических условий, при которой зародилась земледельческая культура вообще. В этих землях никогда не нужно было и не прийдется вести гигантский процесс борьбы с лесом, который пережила Европа в целом. И в то же время — лес тут, близко, под боком. Это сочетание двух стихий — леса и степи — преимущество огромного исторического значения в прошлом и практического в настоящем. При темпе экономического развития XX в. какие бы то ни было отрицательные стороны географического положения Казачьих Земель в этой области могли бы быть роковыми. Комплекс Казачьих Земель потерял бы многое в своем единстве и завершенности, если бы ему недоставало третьей стихии — горной. Но щедрая природа позаботилась и тут. Северный Кавказ во всем богатстве своей природы, с полезными ископаемыми, источниками водных сил, целебными водами и т. д. довершает общую картину географической завершенности: степь, лес, горы и море.

(*Продолжение следует*).

Д-р С. Федоров.

Анкета о Казачестве.

VIII.

Среди массы анкетных статей осторонь поставлены статьи трех атаманов: Донского, Кубанского и Терского. Их официальное положение естественно обязывает к сдержанности в выявлении личных симпатий, чувств и взглядов, что особенно заметно у ген. Богаевского.

Терский атаман дает весьма пространный исторический обзор Казачества, единственный, можно сказать, ценный среди целой плеяды новоявленных казачьих историков, которых ни более, ни менее, как чортова дюжина выступает в руссофильской части сборника.

И у ген. Вдовенко есть свои „невязки", — напр., что „в первом периоде казачьи Войска возникают из выходцев" (ст. 13), а далее повествуется, совсем в разрез с московской теорией казачества, о казаках во второй половине XIV века на Литве и на Дону, о том, что казачьи общины „были совершенно самостоятельны"(ст. 15).

Весьма характерным есть то, что атаманы подчеркивают отрицательное отношение „русских" к казачеству и противопоставляют им здоровые начала в последнем, об'ясняя это самобытностью или „естественным отбором" (ген. Науменко, ст. 11).

Но, что особенно ценно и ценно, как оружие против нападок различных единонеделимцев на „В. К.", это атаманские свидетельства о сильном духе казачьей самостоятельности в период борьбы за Волю и Свободу 1917—20 г. г. „Юго-восточное казачество не признавало вождей добровольческого движения за носителей государственной власти, сохраняя свое государственное бытие и полную независимость" (ген. Вдовенко, ст. 19). Он же констатирует, что Казачество имеет „право на самостоятельное устройство всей внутренней жизни" (ст. 21) и сожалеет о том, что „Казачество Юго-Востока, — Дона, Кубани и Терека, — в родных краях не было об'единено в Союз".

Об'единение Дона, Кубани и Терека за-границей привело к тому, что „со стороны разных групп лиц ... много было попыток разрушить это об'единение, обвиняя его в сепаратизме и даже в измене" (ст. 20).

„Волею судьбы казачьим областям пришлось на время стать независимыми государственными образованиями типа республики", пишет ген. Богаевский (ст. 11), и это была „единственная форма, приемлемая казачеству ... — самостоятельное государственное бытие" (ген. Вдовенко, ст. 19).

Таким образом, для всякого неослепленного человека должно стать ясным, что Вольное Казачество отстаивает лишь то, что уже было в свое время и без чего оно никогда не сможет возродиться к лучшей жизни.

П. А. Скачков со всей неумолимостью обрушился на казачьих федералистов типа Харламова и К-о на том основании, что „федерация — есть заграничное приобретение", в то время, как логика самостийников „исходит из постановлений Кругов", (ст. 279). Бывший донской законодатель отвергает очевидную истину, что Казачество боролось за „федеративную" Россию тогда, когда „демократическая" Россия никакой федерации не хотела, и за самостийность, когда федерация была уже поздней. Свои доказательства он подкрепляет исторически „архаическими" аргументами, первого периода работы казаков — апрель 1917 года и Круга — май того же года; „ни о какой федерации не помышлял ни майский 1918 г. „Круг спасения Дона", ни позднейшие" (ст. 275).

И именно не помышляли потому, заметим мы, что Круги решали о самостоятельном бытии, откинув из проэкта Донской конституции вторую часть § 1-го: „впредь до восстановления России" (ст. 279) и приняв первую часть: „Донское Войско есть самостоятельное государственное образование". Круг же отверг предлагавшееся Законодательной Комиссией оставление русского националь-

ного флага и принял свои национальные флаг и гимн (ст. 277).

Это такие аргументы, против которых ссылка на телеграмму 1-го Калединского Круга к украинцам является детским лепетом.

Здоровый казачий разум дал урок цепляющимся за российскую соломинку утопающим казачьим интеллигентам и указал путь, по которому Казачество должно итти — путь государственной самостоятельности.

И „отдавая справедливость, что „самостийничество" имеет под собою некоторую „юридическую" почву, обоснованную на принятых Войсковым Кругом... основных законах" (ст. 276), г. Скачков все таки называет самостийничество „химерным" и „затмением разума".

Каким же можно назвать тогда разум этого б. донского законодателя, творца казачьей самостийности, который сейчас и руками и ногами отмахивается от того, что сам делал в 1918 г.?

Не даром же другой противник самостийности, г. Богаев, развивал в русском университете в Праге теорию, что профессия накладывает свой отпечаток на человека и поэтому психология коня и всадника, напр., весьма сродни, а г. Богаев принадлежит к тому же политическому лагерю, что и г. Скачков — мечтающему жить под „твердой властью" российской со скипетром в руке и короной на голове.

Этот „земский" казак дает тоже образец своей профессии конвойца, — написав ответ на анкету с высоты запяток придворной кареты.

О том, до чего может дойти психология „земской челяди" (и хоть бы царского двора, а то всего лишь „царят" — наместников) свидетельствует „идеал казачьего самоуправления в составе единой унитарной России — ...Войсковой Круг, снабженный расширенными правами губернского Земского Собрания (с правом распоряжения войсковыми финансами) (ст. 86).

Поистине психология „холопа XX-го столетия", у которого даже „будущее Казачьих Войск покоится на острие казачьей пики, поражающей... самостийные „знамена" (ст. 85).

Казачий унитарист, он — против желания В. Казачества об'единить все Казачество воедино, только потому, что идеи децентрализма для него невыносимы, а „Верховный Круг — без Верховного Атамана — это историческая нелепость на общем фоне Казачества" (ст. 81). Как венец благоразумия, ему представлялось в прошлом „провозгласить ген. Деникина Верховным Атаманом".

Бедная, бедная казачья Земля, породившая такого сына!..

Идею Верховного Атамана подносит нам и Г. И. Чапчиков (ст. 328), которому кажется, что „Казачество вполне будет удовлетворено предоставлением ему широкого местного самоуправления", „близкого к автономии", добавляет он, указывая уже прогресс по сравнению со своим однодумцем Богаевым.

Но у Чапчикова есть и другие основания. У него — не служение и подчинение русскому народу, а „привитие массе русского народа „казачьего духа", т. к. „казаки никогда не мирились и никогда не помиряться не только со второстепенной ролью в России наряду с другими народностями... но даже с первостепенной, а непременно и исключительно с первой" (ст. 327).

Здорово сказал боевой донец, а еще „здоровее" вышло бы, если бы додал: эх! кабы царя, да царя казачьего! Вот бы показали мы русскому народу „первейшую" роль Казачества!

Но, упаси Бог от таких ролей и таких вождей, как Чапчиков — „угробили" бы они Казачество моментально.

Желание, чтобы „весь русский народ, осуществляя свои вековые стремления, воспринял идеологию и формы жизни, принятые казаками", проявляет и б. Кубанский Атаман, ген. Филимонов (ст. 321), по которому „казачий уклад никогда не отрицал и никогда не противопоставлял себя установившемуся в России монархическому строю... казаки всегда тянулись к Москве, к русскому царю" (ст. 320) „и потому идеал многомиллионного народа нельзя умерщвлять..."

И вот теперь только с ужасом начинаешь видеть, какого Атамана посадила себе когда то несчастная Кубань и куда он вел ее сынов.

Слава Богу, что большинство казаков знает из казачьей истории, что Казачество жило без царей, а на опыте 1917—20 г. г. убедилось, что и может жить без них.

В одном, может быть, прав г. Филимонов, что „царизм" лежит в плоти и крови „русского" народа и „секрет долгого существования противоестественной власти большевиков... в том и заключается, что созданием суррогата народовластия, в виде советов, они разгадали и пошли навстречу старой мечте русского народа о понятной им и отвечающей их мировоззрению форме управления" (ст. 320).

Но как же тогда г. Филимонов согласует интерес казачий и борьбу Казачества против большевиков и их „секрета" властвования? Трудно ответить на этот вопрос б. руководителю борьбы с большевиками.

Хотя вот другой законодатель, но уже донской, нисколько не задумывается над тем, чтобы признать всю борьбу Казачества за ошибку.

„Приняв февральскую революцию, казаки не приняли октябрскую... Я считаю, что этот шаг Казачества был ошибочным, неправильным, Казачество должно было принять и эту революцию...", пишет г. Гребенников (ст. 135).

Горе Казачеству с такими вождями, которые, потолкавшись по всем известным партийным группировкам, в конце концов тянут казаков на путь новоявленного сменовеховства, перекидывая мост от Казачества эмигрантского к Триэсерии, в желании послужить царям красным; послужить, лишь бы выслужиться.

Вообще разного типа „служак" в руссотяпско-руссофильской части сборника немало и их мы касаться не будем, не хватило бы и места и времени. Не будем мы касаться и всех нападающих на самостийность и В. Казачество, их тоже немало — найдется с добрый десяток, но „на каждое чихание не наздравствуешься". Коснемся только г. Добрынина, который уж очень рьяно распинается в антиукраинском рвении стараясь доказать, что Юго-Восточному Казачеству не по пути с Казачеством Украины, столетия питавшем физически все степовое Казачество.

Специально рекламируя свой „Донской Календарь", автор не идет далее сословного взгляда и выводимых отсюда последствий.

„Самое страшное первое испытание для Дона, это т. наз. „украинский вопрос" (ст. 163) продолжает он свои рассуждения и пытается из пары исторических недоразумений создать пропасть между казачеством Дона и Запорожья.

Итти по стопам г. Добрынина значит „не видеть леса из-за деревьев" — все эти столетия совместной боевой деятельности, полное право гражданства казаков Вольных Войск одних, на территориях других; постоянные переселения из одного Войска в другое, единые Круги и Рады, все это для автора пустой звук. Лишь бы уберечь донцов перед союзом с Украиной и тем не допустить поражения его возлюбленной Москвы.

В отделе IV своих измышлений г. Добрынин (ст. 165) не останавливается даже в передергиваниях и подтасовках украино-казачьих отношений, пользуясь избитой ерундой черносотенных зубров (очевидно весьма близких автору), вплоть до „фабрикации „украинского" движения еще до войны в Германии".

Подобные измышления мы слышали не раз и в адрес Вольного Казачества; цена им известна: когда не хватает аргументов, то остается только ложь и перед нею не останавливается г. Добрынин даже в адрес Кубани и Кубанской Армии (ст. 169, 171).

Суммируя все, г. Добрынин заключает: „Дону с „Украиной" не по пути", беря даже Украину в кавычки. Однако, что это не так, что путь донской и казачий один и тот же, что и украинский, говорит нам и здравый смысл и наличие 2-х миллионов украинского коренного крестьянства на Дону и украинский этнический элемент, сильно пропитавший Войска Кубанское и Терское и большинство славянского населения Кавказа.

Да кроме того, авторитетное мнение донского посла на Украине ген. Черячукина (ст. 337), б. гетмана Скоропадского (ст. 63) и „вещие“ предпосылки Поликарпова (ст. 259), ясно убеждают в бессодержательности доводов московского службиста г-на Добрынина.

Добрынину вторит терец Бондарев (ст. 95), по которому „вне России нет Казачества; в России же не будет Казачества, если Россия... будет федеративна“.

Значит, иди под царя, да и только...

Гораздо правильнее смотрит на вещи донец Бояринов, говорящий, что „Казачеству необходимо будет пересмотреть свои взаимоотношения с российским центром...“ (ст. 99) т. к. „никакое русское правительство не станет (искусственно) создавать Казачество где нибудь на Юго-Востоке...“ (ст. 98)...

Казачество пересмотрело свои отношения в 1918 г. и установило их, как федеративные; события заставили пойти далее — к самостоятельности и, конечно, самостоятельность должна быть исходным пунктом, от которого, и единственно от которого, Казачество должно будет определять свои отношения и к России и к другим соседним государствам.

К этому Казачество надо вести и в этом духе его воспитывать. И, пожалуй, здесь бы были полезными казачьи партии, о которых, как о средстве спасения Казачества трактуют г. Губкин (ст. 158) и полк. Гамалий (ст. 120).

Идея об'единения Казачества одинаково признается казаками всех толков.

„Условием и платформой для такого об'единения могла бы быть наша конституция“, пишет донец, профессор Марков, и тут же... не одобряет самостийность (ст. 220). А донская конституция, как известно, была как раз ярко выраженная самостийность.

Этот путь об'единения неизбежно ведет к созданию „казацких государств“, о которых, как о необходимой мере защиты Казачества, повествует и Воротынский (ст. 120), когда „большевицкая мужичья „Расея“ силой несметной лезла в казачьи Земли...“

Это по нашему и единственный путь, при котором Казачество сможет охранить наследие своих предков.

Правильно говорит председ. Донского правительства Мельников, что „казачеству особенно голову ломать не придется: свою жизнь оно построит по-казачьему, поставив во главу угла Войсковой Круг и Выборного Атамана и в эту свою жизнь оно никому не позволит мешаться“ (ст. 234).

„Не смотря ни на что, казачество воскреснет, и будущая жизнь его будет строиться на историческом казачьем фундаменте...“ пишет он. „Казачество только что проделало самостоятельно опыт жизни по своему казачьему укладу... То, что иногда в годы борьбы, переживалось поверхностно, теперь осознано, и под казачьи настроения подведен идеологический фундамент“ (ст. 233). Во всем этом автор прав, кроме одного, что Казачество „пойдет по своей казачьей дороге... Свободное Казачество в свободной России“. Это — только логическая невязка с предыдущими выводами.

Раз Казачество проделало опыт самостоятельной жизни и пришло по исторической дороге к самостоятельному государственному бытию, то иного пути не может быть по нашему и в будущем, как путь казачьих конституций.

Войсковые Круги и Рада уже проявили свою мудрость... А что в казачьем законодательстве „гораздо больше государственной мудрости, чем в законодательстве, скажем, Временного Правительства“ утверждает и „русский“ профессор Марков (ст. 220).

И вот, когда переберешь в своей памяти все значительное количество ответов на анкету „русских“ казаков, невольно констатируешь какой то парадокс — подавляющее большинство из них так и дышет казачьей самостийностью, самобытностью; везде и всюду натыкаешься на горькую правду о Москве, России и их отношении к Казачеству, везде с любовью трактуется о Кругах, Радах, опыте самостоятельной государственности; везде превозносится Козачество, его единство, государственный разум конституции и — наряду с этим, раболепие перед рассыпавшимся истуканом на глиняных ногах — Россией и... отрицание самостийности.

Как авторы статей ни открещиваются от нея, как Петр от Христа, как ни валят могильные плиты на Казачество, на самостийность, а она, как сама жизнь, как вторая природа, пробивается у них везде и всюду, лезет против их воли изо всех щелей наружу. Через акафисты единой России пробивается всюду самостийное „навождение“ авторов и вселяет радость в души защитников идей Вольного Казачества, что „есть, еще порох в пороховницах, не иступилась еще шабля казачья“.

Настанет день, когда большинство из них пойдет за рядами Вольного Казачества добывать наследие своих отцов, дедов и прадедов.

А потому: жив дух казачий!

Да здравствует Казачество!

Да здравствует Вольное Казачество!

Слава его Конституциям, слава Казачьей Державе — Казакии!

Т. Стариков.

Этапы.

Прошла Японская война. Позором она кончилась для России. Многие офицеры-казаки возвратились оттуда с изменившимися взглядами и убеждениями. Стали иными, чем были.

Что же случилось?

Вот что рассказал мне тогда-же один из таких офицеров.

Началась война. Загорелось у меня безумное желание попасть туда. Я принял решительно все меры, использовал все знакомства, писал, ходил, ездил, просил. Ничто не помогло. Я не был послан на войну,

И вдруг, на Дону об'являют мобилизацию и одну дивизию посылают в Манчжурию. Меня зачисляют в нее. Я был рад, счастлив. Мечта осуществилась. Я шел сражаться за честь России, за величие ее, за царя.

Царь для меня был, если не бог земной, то полубог. Он был для меня символом, олицетворяющим родину. Он был блюстителем правды, самой правдой, хранителем веры православной, созидателем закона, порядка. Так думал я.

Монархический строй казался мне самым идеальным, самым совершенным. Он был для меня тем, чему служить обязывали и долг и совесть.

Верил я тогда всецело, что мы раздавим „япошек“, что сила России непоколебима, что строй ее тверд, как гранитная скала, что не каким то неведомым япошкам сломить ее.

И вдруг... Цусима!

Страшное, позорное поражение русского флота.

Словно обухом ударило меня по лбу. Искры посыпались из глаз. Я прозрел, я как бы вновь родился и увидел все в ином, новом свете. Так что же это? что же это? задавал я себе вопросы. Мне казалось, что я схожу с'ума. Да и не мудрено. Ведь я пережил самое страшное, что может пережить человек. Я пережил крушение самых святых моих взглядов и убеждений. Развалилась вера во все дотоле для меня дорогое. Утратилась вера в мощь, в правду русского царя...

Цусима!

Она, как видите, погребла в моем сердце веру в неограниченные возможности российской монархии и ее царя.

Вскоре я был ранен и покинул поля Манчжурии.

———

Группами, сотнями, полками пробивались в конце 1917 года казаки через охваченную анархией Россию домой. Шли и грунтовыми и железными дорогами; шли с боями, с тяжкими препятствиями; шли через полосы, охваченные пожарами, грабежами, разбоями.

В одной из пробивавшихся частей я встретил того самого офицера, который рассказывал мне десять лет назад о Цусиме. Он был мрачный, озлобленный. Он имел вид человека, пережившего физическое или тяжкое душевное страдание.

Я напомнил ему о Цусиме.

— А-а-х, со стоном сказал он, то была детская игрушка по сравнению с новой, более страшной Цусимой.

Подумайте. Ведь не противник разбил нас. Чудовищное поражение нанесено нам не противником, а самим русским народом, отказавшимся защищать свою родину и превратившимся в конце концов в какое то разбойное стадо. Чего мы только не увидели во время этого тяжкого пути, чего не насмотрелись...

Какое то тяжкое, непереносимое омерзение закрадывается в душу. Я считал русский народ героическим народом, мучеником, страдальцем. А теперь боюсь, что у меня к нему, ничего, кроме презрения, не осталось.

Цусима! Там я потерял веру в русского царя, а здесь теряю веру в русский народ.

Эта Цусима в миллионы раз более грозная. Это не крушение монархического строя, это крушение государства...

Вот она, Россия, во всей своей наготе.

———

Кончилась борьба с красными. Вышел из Севастопольской бухты огромный пароход (много их вышло), до отказа набитый остатками „белых“. Уже два дня идет он по морю. На верхней, открытой палубе под висячими лодками, между свертками канатов приютились казаки. Между ними был один из Войсковых атаманов с семьей, два бывших командира корпуса и несколько командиров полков — все с известными именами. Им не нашлось места внизу не только в каютах, но даже под крышами. У самого борта, между кругами конатов, сидел пожилой уже офицер-казак. Два дня он молчал, ни на кого не обращал внимания. По временам вытирал слезы. Мне казалось, что я где то его видел.

Когда на пароходе не оказалось воды и угля, когда беспомощный гигант, обращенный в щепку, качаясь на волнах, поплыл к Одессе, когда он ежеминутно мог быть схвачен каким либо суденышком красных и отведен в порт, в мозгу понеслись картины и виденья прошлого, в глубине сердца возникали тяжкие переживания, проводилась параллель между прошлым и настоящим. В этот момент я ясно представил себе сидящего спиной ко мне офицера.

А ведь это он, подумал я и пошел к нему.

— Г. полковник, здравствуйте.

Он повернул ко мне лицо, и я увидел бегущие по щекам слезы.

— Вы что хотели? спросил он и снова стал смотреть в море.

— Я узнал Вас и просто хотел поговорить.

— Нет, я не могу. Да и что такое слова? Разве ими можно выразить то, что произошло. Они бессильны, ими нельзя и в сотой степени передать ту страшную скорбь, которая охватила теперь людей. Чтобы понять случившееся и в России, и в Казачестве, и даже здесь — надо время... Нет... не могу...

Через три месяца я встретил полковника уже в Сербии, в Белграде. Разговорились, вспомнили пароход.

— Знаете что меня особенно привело тогда в ужас?

— Что же?

— Казачья Цусима.

— То есть?

— И она заключается не в том, что нас завоевала Москва, залила Казачьи Края кровью, истребила половину населения. Нет, не в этом. Москва, возглавляемая коммунистами, воевала с нами и поступила с казачеством, как с покоренным народом. Разгром наш, это еще не весь ужас. Самое страшное заключается вот в чем:

Воевали мы с Москвой и с коммуной не одни. Нашлись русские люди, — правда, их было немного, — которые сражались против них вместе с нами.

Мы выставили на фронт все население поголовно; дрались старики и дети. Казалось бы, что судьба и проливаемая кровь спаяли нас с добровольцами и ни мы, ни они нас покинуть не могут. Но когда нависла над нами катастрофа, когда мы прикатились к Новороссийску, добровольцы покинули фронт, захватили корабли в порту и уехали в Крым. Только незначительная доля казаков попала туда.

Вот как поступили с теми, кто истекал кровью в чудовищной, неравной борьбе. Нельзя забыть, нельзя простить.

Особенно врезался мне в памят один случай.

Полковник N. подвел одну из самых знаменитых наших бригад к пристани, чтобы погрузить ее на пароход. Лошадей по приказу бросили. Остановилась бригада, а сам полковник пошел на пароход к командарму. Через несколько минут возвратился оттуда, бледный, как полотно, подошел к бригаде. Тысячи глаз впились в любимого начальника.

— Братцы, сказал он и... разрыдался. Редкой храбрости, таланта и силы воли человек не мог рыдать без тяжкой причины. Спокойствие и самообладание не покидало его в самые ужасные мннуты. Знали ему цену казаки. И вот, этот человек плакал.

Кто знал его раньше, тот, видя его слезы, не мог сам не плакать.

— Братцы, повторил полковник, для нас нет корабля. Нам приказано ловить лошадей и итти вдоль берега.

Казаки не могли поднять глаз, не могли глянуть друг на друга.

Раздалась команда, и бригада пошла за своим шатающимся командиром. Казаки отлично понимали, что их судьба решена, что ими пожертвовали.

Русский народ истреблял казаков. Им руководили коммунисты. А здесь, в минуты смертельной опасности, казаков бросили те, с кем они шли вместе... Брошены были те, кто хранил верность до конца.

Вот последняя из пережитых мной и самая, может быть, обидная Цусима.

Если уж те, с кем мы сражались против общего врага, поступили так с нами, то ясно, что нам казакам, надо самим подумать о себе, надо строить свою казачью жизнь, надо залечивать свои раны самим...

Шамба Балинов.

Любителям передергиваний и подтасовок.

М. Поликарпов на двух страницах журнала „П. К.“ умудрился выложить целый короб самовосхвалений, „истин“, в действительности — ряд лжи, подтасовок. Известно, трудное это дело — и волков насытить, и овец сохранить. Поэтому ему и приходится прибегать к помощи передергиваний и вкладывать в чужие уста слова, выдуманные его же пылкой фантазией.

... „Я — глубокий националист... Я — ни то, ни другое, ни третье... Я всегда стоял за бортом партий... Я — русский, люблю русского человека. ... Я защитник образования каких угодно республик“... похваляется самовлюбленный Поликарпов.

Бог с ним. Кто он и что он — для нас совершенно безразлично. Важно — что и как он говорит. Все

же невольно напрашивается восточная поговорка, которая гласит: „Ограниченый муж хвалит свою жену, более ограниченный — своего коня, а самый ограниченный — самого себя".

Все писание г. Поликарпова напоминает поведение провинившегося мальчика, плетущего потом всякую чепуху, лишь бы разошлись складки на лбу разгневанной мамаши. А наш „публицист" из „П. К." провинился перед „мамашей" здорово: в минуту прояснения он заговорил было достойным казачьим языком, но... минутка просветления быстро прошла, почувствовав гнев „мамаши", он оборвал свою речь.

Г. Поликарпов дал в Сборник „Казачество" статью, каковую он теперь задним числом старается „раз'яснить", и запутывается окончательно... В этой своей статье он высказал несколько категорических утверждений (у него все категорично!).

Первое его утверждение: „Русак, Хохол и Казак — суть три ответвления русского племени, имеющие свои особые бытовые черты в жизни семейной, общественной и хозяйственной и свою историю", т. е., три равноправные ветви племени Русь, — как раз то, что говорят и вольные казаки.

Второе его утверждение: „Зарубежная русская интеллигенция не ставит казачьего вопроса, хуже того — они ставят вопрос об уничтожении Казачества", т. е., опять то же самое, что говорят и вольные казаки. Правда, последние добавляют и говорят (и совершенно верно!), что так было, так есть и так будет не только в русской эмиграции, но и внутри СССР.

Третье его утверждение: „Выростающая казачья интеллигенция мыслит сохранение Казачества в формах самостоятельного государственного бытия". Проще и яснее недавно выразил эту мысль старый рядовой лейб-казак: „Большевики уничтожают Казачество, интеллигенция, как и коммунисты, норовят упразднить нас, а русский народ о нас и не думает. Пойдем на пропалую — или умрем, или будем жить: все порешили уничтожить нас, попробуем отбиваться"...

Старый казак простым казачьим умом понял самую простую истину: никогда русский народ, вернее его именем действующая, проникнутая великодержавной, мессианской идеей русская интеллигенция, не поможет казачьему возрождению, а наоборот — стремилась, стремится и будет стремиться к уничтожению его, ибо для нее казаки были и остаются: ворами, разбойниками, палачами, душителями всякой живой человеческой мысли, свободы.

Интересно знать: полагает ли г. Поликарпов, что и этот „старый рядовой лейб-казак" продался какому-то врагу русского народа? Ведь г.г. Поликарповы, как некие особы, незнающие иного отношения между мужчинами и женщинами, как купля и продажа, не допускают иного побуждения у вольных казаков, как „продались", хотят купить, „купить казаков" и т. д.

Четвертое утверждение Поликарпова: „Будущее Казачества — в перемене великорусской державной психологии. Если этого не случится, тогда самостийники правы"... А верит ли сам автор, что „великорусская державная психология" изменится? — Нет! Ибо сам в той же своей статье говорит: „Знаю: умрете, а не уступите. Так пала и корона Николая II".

С одной стороны, по утверждению самого же Поликарпова, при наличии „великорусской державной психологии" единственно правильный путь это — самостийничество, а, с другой, он глубоко уверен и знает, что русские умрут, но не откажутся от своей великодержавной психологии. И поймите после этого, что, собственно, хотел сказать, или изречь г. П-в? Но ему хочется во что бы то ни стало „реабилитировать" себя от этого невзначай сказанного раньше подозрительного на счет казачьей независимости „туману", и он тужится сейчас изо всех сил, вертится, как белка в колесе, а в результате — смех и горе.

Начинает он с заявления, что для него дороже всего Россия и об'ясняет почему: ... „А мы, слависты (высоко, парень летает!) считаем, что без великой России невозможна жизнь не только Казачества, но и всех славянских государств: Болгарии, Сербии, Чехии, и, даже, Польши"... Так вещает оракул „П. К.", но жизнь, но действительность упорно утверждает обратное. России уже нет, а основной целью того целого, что заменило Россию и именуется СССР, является — разрушение всех этих „братских" славянских государств. Тем не менее, эти последние живут и живут хорошо. Мало того, недавно один из больших русских людей (П. Н. Милюков) публично, на весь мир, заявил, что именно отсутствие России способствовало возрождению Чехословацкого народа, как государства. Разные люди и разные „подходы"!

П-в обвиняет вольных казаков, что они „разрушают" (?!) Россию. Но неужели он не понимает, что Россия уже разрушена, и разрушил ее сам русский народ, а не казаки. Ведь именно после разрушения России „русская передовая интеллигенция", изгнанная своим народом, истребляемая им, как ненужный хлам, бежала на Дон и другие окраины искать спасения б. Р. И.

П-в свое „письмо" в „П. К." начинает обвинением, что самостийники „изобрели" казачью нацию. Неужели нация такая вещь, что всякая группа может по своему желанию ее изобретать? Нет, тут дело не в „изобретении". Жизнь и об'ективная историческая наука будущего беспристрастно ответят на исторические концепции Вольного Казачества. Для меня же лично неважно — особый-ли народ, нация-ли особая Казачество. Пусть этими определениями занимаются ученые. Для меня совершенно достаточно того, что существуют казаки, Казачество, как реальный, бесспорный, самоочевидный исторический и политический факт и фактор, имеющее право и способное жить самостоятельной жизнью.

Но вот одна замечательная и характерная черта „противников" Вольного Казачества: они с истерическим криком набрасываются на вольных казаков, утверждая, что Казачество — не народ, не нация, что казаки — русские люди, но вместе с тем указывая, что и не совсем русские, ни то, ни се, одним словом, какое-то „недоразумение". А между строк они иногда „загибают" такую „ересь", „ажнак жутко становится" за них. Например, в том же номере „П. К.", непосредственно за „письмом" П-ва, помещена статья, посвященная девятилетней годовщине смерти Ф. Д. Крюкова, где эпиграфом взята выдержка из „Юбилейного Сборника", изд. в станице Усть-Медведицкой в 1918 году: „Ф. Д. Крюков, несомненно, одно из самых ярких и радостных явлений в жизни нашей Земли В. В. Д. Он первый и сильнейший национальный донской писатель. Он певец казацкой души, певец исконных казацких родимых старых синих рек — Дона и Медведицы". Что же сей сон значит? Ведь этим самым „П. К." утверждает, что существует донская нация! Как же он теперь будет выпутываться?

„И, конечно, не только против Москвы; поведет себя так Киев — и против Киева будем биться" — формулирует своими словами слова самостийников г. П-в и уже заранее готов упасть в обморок „от такой храбрости". Для людей с рабской душой — естественное явление распластываться ниц перед сильным, безоговорочно принимать волю „барина". Лишь таковым обязаны казаки тем положением, когда всякий русский барин мог безнаказанно оскорблять казаков. Яркое выражение этого положения мы наблюдали еще недавно на одном казачьем докладе.

На этом докладе г. Варшавский последовательно и верно выразил отношение русской интеллигенции к казакам, Казачеству, первой и основной задачей коей (интеллигенции) являлась и является — уничтожение Казачества. Ничего не изменилось, все по-старому. Там, в Москве, русский поэт на весь мир поет: „Казаки сволочи — продажная орда", а здесь, в эмиграции, г. Варшавский *) в лицо одним казакам бросает: зверье, неспособное ни на что. И нашлись другие казаки, которые одобрительно ему улыбались!

Почему-же так случилось, что казак, вместо гордого и достойного ответа на оскорбление, отвечает одобрительной улыбкой? Да очень просто. Это — естественное следствие настойчивой, неустанной работы некоторых казачьих „вождей", постоянно призывающих казаков к беспрекословному подчинению московскому

*) Русский? Ред.

барину. Эти „вожди“ без устали твердили и твердят: нам, казакам, артачиться нельзя, барин московский — сильный, страшный зверь; когда он „наляжет животом“, у казаков пятки засверкают. Поэтому нужно, мол, заранее пасть ниц, пусть барин свободно гуляет по казачьей спине.

Усилия „вождей“ не остаются бесплодны... „Рожденный ползать — летать не может“. Но за то, под влиянием подобной „работы“, казаки, рожденные летать, хорошо научились ползать!

На том же докладе г. Варшавский, не видевший (а если видел — тем хуже!) нечеловеческих мучений, неисчислимых страданий казаков, наблюдавший в свое время за ними вероятно только из окна вагона, неспособный понять всю глубину казачьего горя, иронизируя, говорил казакам: нас с вами, казаками, одна причина изгнала вместе и теперь вместе скитаемся. Г. В-й, бойкий журналист и публицист, на этот раз прикинулся простаком и не хотел понимать самой простой вещи: русский народ сам выбросил свою интеллигенцию (многих Варшавских). А Казачество, не только интеллигенция, а все население, стар и млад, с оружием в руках в течение трех лет, истекая кровью, боролось против самой этой „причины“, русскую интеллигенцию выбросившей, и, побежденное на поле брани в открытом бою, но не склонившее своей гордой головы перед торжествующим врагом, массой с оружием в руках, со всеми своими государственными учреждениями ушло из своих Краев...

Эту простую вещь не мог не знать г. В-й и, зная это прекрасно, он позволил себе смеяться и издеваться над казачьим несчастьем. Не могли не знать этого и те казаки, которые поддерживали его.

Радуйтесь, казачьи „вожди“ из „П. К.“ и другие „общероссийской ориентации“ журналисты и публицисты! Это вы своей фальшивой проповедью — и нашим и вашим — довели казаков до настоящего положения. Давно известно, что нельзя служить двум господам.

Нельзя вечно стоять на распутьи и кричать: туда пойдешь — коня потеряешь, сюда — самого себя и в то же время мнить себя апостолами жизненных путей Казачества. Кривда души безнаказанно не проходит, и кривдящий всегда попадает в неизбежное противоречие.

Одно из таких ярких противоречий мы видели недавно на том же самом докладе, где „орал“ г. В-й. Один господин из казаков, упорно метящий выйти на общественную арену в „общероссийском масштабе“, мнящий себя „морально чистым“, „отчаянный“ противник вольных казаков, всю свою речь на этом докладе направил против вольных казаков. Сделав множество „глубокомысленных“ догадок, произвольных предположений, подробно перебрав, кто из вольных казаков носит большие усы, а кто ходит без усов и, вероятно, думая, что этим он спас казачью честь от погибели, самодовольно обводил аудиторию своими слезливыми глазами, тщетно ожидая „заслуженную“ награду за свою „работу“, т. е., аплодисментов.

Но когда тот же господин, в качестве „близкого друга“ докладчика, стал возражать г. Варшавскому, то он, в порыве увлечения, на короткий миг заговорил языком настоящего вольного казака и с пафосом воскликнул: „Казачьи государственные образования 1917-20 г. г. не были интеллигентскими измышлениями, а были подлинным выражением воли народной“, т. е., свободно высказанная воля Казачества была за образование Казачьего государства.

Правда, он скоро спохватился и, испугавшись невольно вырвавшейся из уст истины, с виноватой улыбкой заявил: „но мы („вожди“?) казачьи государства п о н и м а л и, как временное явление, впредь до“... Как трудно утверждать, что белое есть черное!

Этот господин и теперь всецело принимает формулу „впредь до“. Но единомышленник (федералист!) Поликарпов самым курьезным образом подбрасывает эту формулу вольным казакам и пишет: „Однако, кто теперь не знает, что „впредь до“ служит у „вольных казаков“ средством для о к о л п а ч и в а н и я простодушных. Это слово играет роль н а к и д н о г о а р к а н а, чтобы захлестнуть голову попавшегося простака. Я то э т о х о р о ш о з н а ю“... („П. К.“ №. 37-38).

Но как плохо, однако, он знает „это“! А если „хорошо знает“, то это называется, что человек в полном сознании взял да жестоко отхлестал самого себя и своих „друзей“. Ведь эта формула „впредь до“ является главным костылем, на который и сейчас опираются некоторые, существующие в эмиграции казачьи политические организации и об'единения, начиная от Об'единенного Совета Дона, Кубани и Терека. А программа Вольного Казачества от всех других только тем и отличается, что в ней выброшены именно вот эти „впредь до“.

И вот теперь, по собственному признанию Поликарпова, выходит, что все другие организации „околпачивают простодушных“ казаков и с „накидным арканом... захлестывают голову попавшегося простака“ — казака, и только Вольное Казачество, выбросившее из своей программы слова „впредь до“ („накидной аркан“!), не замешано в это грязное дело улавливания простых казачьих душ.

Совершенно верно! Вольное Казачество фиговым листом не прикрывается, никого не обманывает. Оно ясно и определенно поставило вопрос: к а з а ч ь я с а м о с т о я т е л ь н о с т ь, к а з а ч ь я н е з а в и с и м о с т ь, н и к а к и х г о с п о д н а д к а з а к а м и! Кто тщательно не закрывает ушей и глаз, тот легко понимает и видит. Но есть люди, для которых, по калмыцкой поговорке, „говорить слова — все равно, что сеять зерна на коровьих рогах“ — не удержится!

Поликарпов человек редкий. Он усердно занялся на страницах печати самоистязанием. Везде и всюду принято неприличным подглядывать, подслушивать. А если по своей слабости не удержался и что-нибудь подслушал, или подглядел, то, по крайней мере, принято об этом не говорить. А он, П-в, всем этим хвастается и оперирует всеми подслушанными „материалами“, как „чистой монетой“: он подсмотрел, кто как сидит в „верховном синедрионе“; он подслушал, как какой-то вольный казак, где-то и когда то, кому-то и какие-то слова говорил; он подслушал, какую беседу вел „студент-самостийник“ где-то за кружкой пива со своими приятелями и т. д. и т. п. И всем этим, как боевым трофеем, торжественно похваляется. Видимо, г. П-в, за неимением лучшего дела, взял на себя роль добровольного соглядатая. Дай Бог ему успеха на новом поприще!

Но, дело хуже, когда человек свою праздную, а, м. б., больную выдумку приписывает другим. Здесь видим столь широко пользуемый большевиками принцип: говорить, говорить в уверенности, что от сказанного, хотя бы совершенно ложного, что нибудь да и останется.

В данном случае он так поступил лично со мною. Он пишет: „Вовсе не случайно Шамба Балинов уговаривает казаков принять иноземное подданство“... Дальше пишет: „Боятся того барина, к которому зовет казаков в услужение Шамба Балинов. Балинов очень богат господами. Если, мол, не хотите варшавского барина, то можно пойти к лондонскому, он-де не хуже московского“...

По-истине какой-то бред больного! Что хотел сказать этим г. П-в? Уж не то ли, что я будто бы звал казаков принять английское, или иное подданство? Удивительно „тонкие“ соображения, г. П-в!

Я ведь именно мечтаю, жажду видеть Казачество совершенно свободным от всякого барина, подданства, развивающим и укрепляющим данные ему природой и историей прекрасные качества, независимо от чьей бы то ни было палки. Сделайте милость, г. П-в, приписывая другим свою разыгравшуюся фантазию, не берите на себя ненужного греха.

Можно бороться со взглядами и течениями, которых не разделяешь. Но, знайте, борьба хороша и достигает своей цели только тогда, когда она ведется честным образом.

„Плеть не знает хозяина — может больно ударить и своего хозяина“ — говорит калмыцкая поговорка. Точно также негодные средства могут больно хлеснуть того, кто ими воспользовался.

Я. Лопух.

„Казачки виноваты".

В 1920 году, перед Кубанским десантом, мне пришлось быть в Керчи. Город переполнен, и мне с трудом отыскали квартиру у торговца-еврея, где уже было несколько человек, числившихся в Белой Арміи. Когда я вошел, то один из числа многочисленных постояльцев его, с отвислой губой и как бы рессорными ногами, грязный и крайне неряшливо одетый, но с погонами гвардейского ротмистра, бродил по корридору.

Как новый „постоялец", я представился.

— Ротмистр L — ского гусарского Ее Величества полка князь N.

— Очень пріятно.

— Так Вы, значит, казак?

— Да, кубанский казак, ответил я.

— Приятно, приятно, знаете ли, познакомиться с потомком славного Запорожья. Да-с, ваши казачки хорошо дерутся.

Я, знаете ли, тоже имею немного малороссийской крови: бабка моя малоросска — княжна Кочубей. Говорю малороссийской, а не украинской, потому что слово „Украйна" придумано самостийниками. Никакой „Украины" не было. Были и есть: Велико-россия, Мало-россия и Бело-россия, а „Украйны" нет, а потому нет ни украинского борща, ни украинской колбасы, а есть малороссийский борщ и малороссийская колбаса. Хе, хе, хе, хе! не правда-ли?

— Не знаю, ваше сіятельство, правда это, или нет, но на Украйне нет ни „малороссийского борща", ни „малороссийской колбасы", а есть только борщ и колбаса; слово „малороссийский" приложили к этим кушаньям москали. Слово „Украйна" придумано не самостийниками, как вы изволили сказать, а самим народом, так как во всех народных песнях воспевается не „Малороссия", а „Украйна"; и гетман Палий, решивший участь Полтавской битвы, назывался не Малороссийским гетманом, а гетманом Левобережной Украйны. Скоропадский был гетманом Правобережной Украйны; а еще была так называемая Слободська Украйна. Словом, когда была только Московия, тогда была и Украйна, а когда Московия превратилась в Великороссию, то Украйну перекрестили в Малороссию.

Как видите, ваше сіятельство, Украйна как будто бы и была.

— Может быть, может быть. Я, знаете ли, не спорю, так как этим вопросом дальше малороссийского борща и колбасы не интересовался...

— Что же Вы, князь, не на фронте?

— Да, знаете ли, я в Европейской войне принимал участие, а в гражданской все больше по административной части, последнее время был уездным начальником в Ставропольской губерніи.

Быть в каком либо армейском полку и подчиняться, знаете ли, какому либо армейскому полковнику, я считаю для себя неудобным; а гвардейских частей, как видите, пока еще очень мало и нет подходящего для меня места. Так вот я и состою в резерве.

Вот, как ваши казачки не подгадят, да погонят красных, так я уж тогда никак не ниже вицегубернаторского места себе потребую. Да не где нибудь там в Уфимской, или Вятской губерніи, а на юге, где нибудь в Малороссии, или Крыму. Ведь я, знаете ли, стаж по администрации имею порядочный, и на должность уездного начальника уже не пойду, нет, извините.

Ведь я еще человек молодой, мне всего 42 года! Это я тут в тылу распустился, а дай мне в руки дело, так вы меня через день не узнаете. Да-с!

— А, здравствуйте, Мария Осиповна! Извиняюсь. И заковылял мой князь навстречу вошедшей даме.

Боже мой! подумал я, да неужели же такие дегенераты опять будут „управлять"?

Прошло 5 лет. Судьбе угодно было бросить нас не на север, в Уфимскую губ., а на юг — в Болгарию.

В 1925 году мне пришлось побывать в Новой-Загоре в общежитии инвалидов. Смотрю: с жестяной чашечкой, в грязной американской пижаме идет за похлебкой знакомый мне по Керчи князь. Губа еще больше отвисла, а лысина, которую он в Керчи тщательно скрывал „внутренним займом", засветилась во всю.

— Здравствуйте, князь!

— Здравствуйте, здравствуйте.

— Что, узнаете меня?

— Как же! Кажется в Керчи познакомились.

— Да, да. Как поживаете?

— Как видите — незавидно.

— А как на счет вицегубернаторства?

— Во всем ваши казачки виноваты, с укоризной сказал мне князь и поковылял дальше...

Адыгум Т.

Сон под Новый Год.

Когда я вижу какой нибудь сон, то, проснувшись, никогда не могу всего вспомнить, и особенно, с чего сон начался. Так не помню начала и в данном случае. Помню только, что очутился я в стариннейшей пражской пивной „У Флеку", где кем-то была организована не то „договорная", не то „примирительная" встреча Нового Года...

Когда я очутился под старинными сводами „У Флеку", залы были уже полны гостей. Помещение было красиво декорировано. Стены были украшены гирляндами договоров, постановлений различных с'ездов, протоколов собраний. Букеты партийных программ в красивых вазах благоухали на столах своими сладкими, а иногда и одуряющими ароматами. Флаги с аппетитными лозунгами, с восклицательными знаками парили в воздухе. Стоявший в дверях и одетый во все парадное лакей об'являл приход новых гостей.

„Крестьянская Россия!" раздался вскоре после моего прихода его голос. Музыка заиграла „Во саду ли в огороде выросла петрушка", и в дверях с гормонией в руках и моноклем на левом глазу показался Маслов. Он был в смокинге и лаптях (обыкновенно он бывает одет наоборот: лакированные туфли и „крестьянская" рубашка из чесучи). Толпа пейзанов и хорошеньких пейзанок в сарафанах и с лорнетами окружали его. Вынув изо рта папироску á le мужик (спортка), Маслов обворожительно раскланялся и представился присутствующим: „les paysans - c'est moi".

Вскоре лакей об'явил прибытие Керенского. Последний сразу, однако, не вошел: на улице он задержался с уговариваньем шофера, прося скинуть ему с таксы, в раздевальне он уговаривал швейцара повесить его пальто на вешалку поближе и, наконец, в дверях пытался уговорить лакея еще раз об'явить его фамилию с добавкой „премьер", но в это время хор и оркестр грянули „Славься, славься, наш премьер"; Саша вышел. Темно-бордовая римская тога покрывала его фигуру, и лишь внизу выглядывал кончик юбки, которую он надевает в парадных случаях в воспоминание дел лет давно минувших (злые языки, впрочем, говорят, что он носит ее с некоторых пор постоянно — „на всякий случай"). В карманах руки он уже более не держал: портятся карманы, да и заняты, по слухам, (тоже на всякий случай!) приготовленными серпом и молотом. Керенский стал в красивую позу, поднял правую руку вверх: с некоторых пор у него проявилось сознание сродства душ дуксов вообще, а своей души с душой Муссолини, — в частности, и спокойно (только во сне и может быть!) произнес: „Гражданки и граждане! Приветствую Вас! Да будет между Вами народоправ-

ство, социальное братство и политическое равенство!" Потом скромно отошел в сторону. Его 7 „Дней" — 7 сыновей, все как один, без малейшего различия в лице и выражении, стали вокруг него.

„Г-хо-о-о поберегись! Г-х-ей потеснись!" раздалось на улице. На лихаче подкатил Чернов. Сбросив шубу, он быстро и деловито вошел в залу. Увидев среди присутствующих много казаков, закричал: „Казачки! Потеснитесь! А то брюхом навалюсь!" и расположился рядом с Керенским.

Трогательное сочетание худого и толстого (прошу не путать с Патом и Паташоном: там дело идет о высоком и низком) так поглотило мое внимание, что я уже больше не обращал внимания на новых гостей. Помню только, что в последний момент, когда все уже садились за столь, в дверях показалась обворожительная фигура Лиги Наций. Т. к. ее никто не приглашал, то за столом места для нее не оказалось. Это ее не смутило (повидимому не впервые) и весь дальнейший банкет она провела стоя, рассыпая во все стороны обворожительные улыбки, посылая всем воздушные поцелуи и любуясь в зеркало своей силой, достоинством и авторитетом.

Уже после начала банкета, с большим опозданием пришла евразийская делегация. При входе ее оркестр было заиграл „Гром победы раздавайся", но при виде полного ярости взгляда главы делегации музыканты смутились, перешли на мотивы из „Гейши", потом на „Танец факиров", „Турецкий марш", наконец, забили просто в гонг, и, в итоге, окончательно растерявшись, замолкли, не зная, что принято играть в знак приветствия евразийцам. Вход делегации совершился при мертвой тишине, т. к. все присутствующие с любознательностью всматривались в лица евразийцев и наблюдали все, что они делали. Евразийцы перевернули вверх ножками один из столов и, сложив ноги по турецки, уселись вокруг него на пол. Удивительно типично евразийское лицо было у главы делегации: римский нос, монгольские скулы, по-английски поджатые губы, полные отрицания общеобязательности достижений западной цивилизации, Чингис-Ханское выражение глаз. Во всем лице — отпечаток упорного изучения логики революции и извлечения из нее проблематики. Обвитый тюрбаном цилиндр прекрасно подходил к этому лицу.

Несмотря на то, что евразийцы прибыли позже всех, с речью они выступили первые. Ставши лицом к Востоку, глава евразийской делегации начал: „Европейцы и Азиаты! — (Маслов, не зная, к кому отнести себя, нервно задергался на стуле и уронил монокль) — Наше новогоднее приветствие будет коротко. Мы только процитируем вам часть первой фразы из вышедшей на днях нашей книги „Исход к Востоку на основании предчувствий и свершений в области систематического изложения взгляда на русскую историю не с Запада, но с Востока". Итак, внимайте: Начертание мутационного периода практической насыщенности русского исторического процесса, самопознание, преобразование, внутреннее замирание, зарывание и замирение, потенцированье новой идеологической энергии идеократической стихии формального процесса, монистически слившагося с русской историей и революцией понимания национального достояния, как тактического мотива механического овладения революционными силами, и, наконец, органическое способствование господству идеи национально-особого географического целого восточной ориентировки на Запад и западной на Восток, — вот что желают евразийцы всем присутствующим на 29-ый год!"

Слова эти подействовали очень сильно, кто то в умилении даже всхлипывал, приговаривая: „о, прекрасный и чудный русский язык, наша утеха и отрада в дни горести и скорьби"...

Встал Струве. Он поблагодарил евразийцев за образное пожелание и, в свою очередь, произнес небольшой застольный спич. Не помню полностью его содержания, помню лишь последние слова: „Г-да! Я беспартиен, внепартиен, надпартиен, и сверхпартиен, но в то же время представляю собою индивидуальное, внутреннее, теологическое единство".

Красиво, как всегда, говорил Милюков; громом аплодисментов были покрыты его слова: „мы переживаем великие дни, когда нации превращаются в национальности, национальности в нации, нации впитывают в себя народы, а народы растворяют в себе нации. Но, господа, не смущайтесь: немного терпения, надо подождать, и все выкристализируется".

Кускова, залившись пунцовой краской одушевления от внутреннего под'ема, коротко и энергично в своем новогоднем пожелании призвала всех к наибольшему активизму — „изучать, изучать, изучать!"

Впрочем, всех речей не вспомнишь. Помню, как мило вообще протекала новогодняя трапеза, и лился задушевный непринужденный разговор, прерываемый оффициальными речами и чтением поздравительных телеграмм. А телеграмм получено было очень много. „Подымая бокал за сухую Америку, пью и за Ваше здоровье", телеграфировал Хувер (Саша Керенский при этом по секрету начал уверять своих соседей, что Зубков де свою царственную немецкую супругу уже бросил и поехал в С. Шт. отбивать жену у Хувера). Венгерское правительство тоже прислало поздравление, упомянув кстати, что последняя конфискованная партия оружия по расследовании оказалась комплектом елочных украшений, шедших из Испании в Португалию и транзитом застрявших в Венгрии.

Из Франции было получено целых 3 приветствия, т. к. за время банкета произошло 3 смены кабинета министров. Не забыли о нас и 3 столпа Европы: Чемберлен, Бриан и Штреземан. После 40 часовой безрезультатной беседы в Лугано (беседовать с представителями прессы после свидания они отказались, т.-к. рассказывать было собственно не о чем...) они нашли свободную минуту для посылки телеграммы нам. Приятно было услышать их поздравление и заверение, что от только что состоявшегося свидания все трое испытывают непередаваемое моральное удовлетворение...

А сколько было интересных частных разговоров! Как жаль, что всего не вспомнишь! После официальной части банкета гости разбрелись по залам. Все помещение наполнилось группами оживленных лиц, многие подвыпили. Чернов, забравшись с Керенским в мягкие кресла, приговаривал: „эх Саша, где наша не пропадала!" и снова затягивал „На последнюю, да на пятерку"... Журналист Варшавский собрал экспромтом в одной зале с'езд писателей, тут же единогласно постановивший об'явить в СССР свободу печати, выразить большевикам порицание, довести об этом до сведения всех интересующихся и вообще протестовать перед цивилизованным миром. Потом ряд присутствующих журналистов составили „письма из России", а редактор „Руля" их продекламировал с большим успехом, так что должен был на бис что то декламировать еще из изоврашейся „Правды". Кто то спел последний романс Деникина (после беллетристики он переходит в 29 г. на романсы жанра песенок Вертинского). Говорят, что для этой цели на банкет был приглашен Шаляпин. Но последний так запутался в своих попытках выпутаться из Будапештской истории, что последнее время предпочитает ужинать дома... Студентам Русского Юридического Факультета в Праге было очень неприятно, что они не могут пополнить чем либо программу; желая как нибудь зарекомендовать себя перед присутствующими, они обратили внимание всех на то, что, помимо наук юридических, они изучают и практические науки, так напр., помимо давно введенной бухгалтерии, вскоре будет введен курс массажа и маникюра, а потому, мол, мы тоже сможем поработать на общее благо.

Кто то начал распространять между присутствующими (т. к. добровольно брать большинство не хотело, то даже насильно) последний перед закрытием номер „Казачьего Пути". Однако, устроители банкета инцидент быстро ликвидировали, т. к. вышедший в черной обложке с изображением умирающего лебедя и надписью: „Мы жертвую пали в борьбе роковой" мрачный номер был неуместен в атмосфере общего веселья. Зато против ходившей по рукам листовки правления союза окончивших высшие учебн. зав. в ЧСР никто возразить не мог, т. к. ее содержание было исключительно радостное: правление предлагало лицам, обла-

дающим небольшой суммой в 100.000 крон и могущим самостоятельно выхлопотать визу, (все остальные хлопоты и расходы правление любезно принимало на себя) заполнить анкеты в 85 экземплярах и отправляться на Огненную землю.

Многие присутствующие были сильно расстроены, увидев в одном углу обворожительную группу: Лига Наций нежно обняла Парагвай и Боливию, ласково гладила их по головкам и уговаривала поцеловаться. Последние с большим вниманием слушали, по за спиной Лиги Наций покаывали друг другу языки и строили носы.

Земгор довел до сведения присутствующих, что, т. к. ни земств, ни городов в настоящее время уже не имеется, а на континенте помощь давать перестают и он поэтому не может развернуться во всю широту русской натуры, то с 29 г. он решил переменить фамилию на Остмор (островов морей) и взять курс на об'единение деятелей островных и морских: и простору больше и средства на дне морей лежат большие.

Торгово-промышленный комитет сообщил, что в 29 г. он откроет в Париже, за неимением пока средств на большее, торговлю семечками под фирмой „Как хороши, как свежи были (когда то) розы“ с целью расширить это дело в будущей России до американских масштабов.

Да, так все было хорошо, мирно и уютно в этот вечер... И... так нехорошо все кончилось... глупо-нехорошо... Дело в том, что Парагвай, увидев на ногах Маслова лапти, принял их за индейские родные мокасины, возымел на этом основании к Маслову необыкновенную симпатию и целый вечер к нему, просто выражаясь, лез с разными глупостями: просил научить доить коров, держать папироску à le мужик, отличать пшеницу от ячменя и т. д. Естественно, такие просьбы все время ставили Маслова в безвыходное положение, и он злился. Но вот, когда Парагвай обратился к Маслову с просьбой станцевать гопак, последний был окончательно, как говорят чехи, „дожран“. Может быть, потому, что он танцует лишь менуэт и крестьянский шарльстон, или, быть может, потому, что уже на сердце накипело, но только он не выдержал и дал Парагваю по физиономии, а подскочившую на помощь Лигу Наций по-крестьянски так „щипанул“, что она лишилась сознания.

Вот тут то и началось!.. Помню, как Керенский мгновенно перескочил через Чернова, сбросил тогу и в юбке выскочил в переднюю, уговаривая швейцара скорее дать ему пальто, но не отбирать назад номерочек, т. к. он на него, может быть, еще выиграет в какую нибудь лотарею. Евразийцы с криком: „Аллах! Аллах!“ вынеслись на улицу и, приняв сразу европейский вид, исчезли неизвестно куда. Седой Дон, Вольная Кубань и Буйный Терек заволновались и поднялись... В этот момент раздался стук в дверь моей спальни. Пришел почтальон, решивший, помимо „чешского“ Рождества и Нового Года, в третий раз поздравить меня и с „русским“ Новым Годом. Я проснулся. Было 1 января 1929 года.

Печать о Вольном Казачестве.

Собравшийся с силами (за два последних месяца вышел один раз) „Путь Казачества“ снова уделяет нам свое „благосклонное“ внимание. К сожалению, ничего „свежего“. В. Васильев пережевывает старую свою жвачку о самостийниках, как о „расчленителях“ России, „намекает“ о „чужих и враждебных и для России, и для Казачества руках“. Г. Васильева ничто не исправит, да он и сам не верит тому, что говорит. Он, ведь, „делает политику“. Еще недавно, в предпоследнем номере „В. К.“ мы повторили свои программные положения, — там, если бы хотел, и сам г. Васильев нашел бы ответы на свои измышления.

Г. Васильева мы знаем давно и потому нас нисколько не удивляет и не волнует то, что он болтает. Но, признаемся, другой „дебютант“ последнего номера „П. К.“ г. Поликарпов нас очень удивил.

Что он оперирует все время своими, или чужими „беседами“ с самостийниками, „цитируя“ им же выдуманные слова и „изречения“ самостийников, в этом никто из прочитавших его „письмо“ не будет сомневаться, т. к. честные люди так не делают. Честные люди в таких случаях обязательно говорят, к т о ч т о сказал. Повторяем, это нас не удивляет, подобным приемом часто пользуются недобросовестные противники.

Всем содержанием своего письма г. Поликарпов „обрушился“ на самостийников. В статье Ш. Балинова, помещаемой в этом же номере нашего журнала, г. Поликорпов получает уже ответ на свою пачкотню. И если бы не фраза г. Поликарпова: „почему я им (самостийникам) понадобился — не знаю“ — мы, вероятно, прошли бы мимо его письма молча. Вот тут то и начинается наше удивление. Дело в том, что было время, когда г. Поликарпов был довольно частым гостем редакции „В. К.“ „Обивал пороги“, „зондировал“. Не мы же к Вам ходили, г. Поликарпов. И что Ваше „настроение“ было тогда иным, свидетельствует и Ваш ответ на анкету (см. сборник „Казачество“), от которого Вы теперь по существу открещиваетесь.

Наше „удивление“ еще более возросло, когда и у г. Поликарпова мы прочли все тот же намек на „не безкорыстие“ самостийников. Ну, а когда Вы, г. Поликарпов, после своих хождений к нам, брали у нас а в а н с, — Вы сами как думали по этому вопросу? Считали же Вы тогда возможным даже сотрудничество в „В. К.“, что же изменилось?

———

В номере 5 „Евразии“, с высоты своего евразийского Олимпа заметили „один“ номер „В. К.“ и надменные евразийцы. „Заметили“ для того, чтобы „отметить, что они не считают „нужным на страницах „Евразии“ определять моральную базу этого казачьего движения“.

А мы на страницах „В. К.“ в свое время определим и моральную и всякую иную базу евразийского движения.

Думы и мысли казачьи.

Вольному Казачеству.

Окрепла наша идея! Год отпраздновали мы тихо и скромно. В душе радость зашевелилась: живы мы! Жив казачий Дух!

Долго плавали мы в широких волнах Российской Реки.

В тину заплыли — замарались! К чорту, грязная Река. Бросай, казак, ее илистые берега — утонешь навеки. Вылезай на берег, отряхни грязь. Да не забывай копать канал глубокий, поверни Реку назад, на север чуждый.

Звенят наши Воскресные колокола. Голос правды мы услыхали. Чует казачье сердце, как шумит, волнуется казачий майдан. Волю почуяли орлы. Степана ищут в небесах! С булавой и насекой явись, Степан! Воскреси наши души, воскреси свою казачью песню лихой, могучий Атаман. „Не желает волю воевать рабам, пусть сами свою долю вызволяют. Не верить северным батракам — предадут...“ говорит Степан...

Так где ж Кондрат, Чепига, Билый, Каледин?.. — „Спят в сырой земле богатыри, души их отдыхают!“

Но, чу! В небе клекот молодой, орлиный! Движутся полки! Впереди молодой зипунный рыцарь на коне! И, с булавой и с насекой, рать ведет лихую.

Держит путь к степям широким, к Дону-батюшке идет. Бросает взор к горам Кавказа, смотрит в голубую даль.

Чьи то полки лихие, чья рать могучая? Кто рыцарь впереди?!

Веселись, казачье сердце! Ликуй, казак! Берись рукою за луку, ногу в стремя, — под знамя Вольное лети!

То твои по крови братья, то Вольные казаки держат к Краям Родным свой путь далекий. Идут спасать Родную Землю, блудные сыны.

Мы и сами Волю знаем! Честь и славу больше не предадим. Изменников на кол посадим, гостя чужого и злого в куль, да в воду бросим. Пусть спят спокойно богатыри: Степан, Чепига, Билый, Емельян, пусть люльку курит Сагайдачный, пусть упокоятся Кондрат и Каледин.

Дай, Боже, сил для неравного боя. Души неверных укрепи. За Правду Сына Ты на крест послал, на крест и мы готовы. Правду нашу воскреси! Правду мы поищем, за нее сразимся мы в последний раз. Или Волю завоюем, иль на плахе мы умрем...

Славься, Вольное Казачество, от Урала до Днепра, от степей Родного Дона, до вершин Кавказа, от моря от Хвалынского до старого Темрюка. Славься, Вольное, в изгнании!

Ѳ. Бирюк. *(Югославия).*

„Дни“.

В глушь мою сельскую попало девять номеров (со 2 по 10 включительно) еженедельника „Дни“. Внешне весьма привлекательный журнал. Но содержание его менее привлекательно. Заливается в нем на все лады давно охрипшая одноструннаа балалайка: б. министр, б. премьер министр, б. верховный и переверховный.., сто раз бывший и, очевидно, всем быть мечтающий А. Ф. Керенский.

Сразу же должен отметить, что г. Керенский много забирает в журнале для себя места. Это не хорошо. Во времена своего „бывания“ г. Керенский много говорил, а теперь много пишет. Злоупотребление словом печатным может повести к тем же последствиям, что и злоупотребление словом устным. Это следует помнить.

Далее с удовольствием отмечаю некоторую перемену в общих настроениях Александра Федоровича. Раньше он был стопроцентным ррреволюционером, а теперь — стопроцентный русотяп. Похоже на то, что каяться начал в своих прегрешениях перед „Единой Неделимой“. С завидным темпераментом и рвением нападает на всех „супостатов и врагов“ „общего отечества“, на врагов видимых и невидимых, на умерших, живых и еще не народившихся. И слова такие „уничтожающие“ употребляет, что просто ужас: сепаратисты, расчленители, петлюровцы и т. п.

Переменился г. Керенский кое в чем, но ни чувства меры, ни тем более чувства реального восприятия действительности у него, как и в дни его сказочной славы, не наблюдается.

Есть люди без чувства „ритма“. Люди такие, если они талантливы, всегда интересны и оригинальны, но судьба их или нелепа, или трагична, когда они пойдут „не по своей части“. Такие люди не попадают в ногу с жизнью, с действительностью. Они „портят строй“.

Политические деятели более, чем кто бы то ни был, должны уметь ходить в ногу с духом эпохи. Г. Керенскому как раз этого уменья не хватает: все не попадет в ногу истории. В 1917 году, когда революционные волны вынесли его на своих гребнях над всех и над все, он, вульгарно выражаясь, языком молол, сокрушал русскую буржуазию и предавал анафеме и бросал на растерзание черни русских патриотов „за измену революции“. А теперь, когда уже яснее ясного, что „национальная проблема — на Востоке Европы — давно окончательно и бесповоротно перешла в плоскость отношений международных и междунациональных“, когда „общее отечество“ развалилось так, что уже не собрать его во-едино и десятку Петров Первых, не то что г. Керенскому, — он вдруг воспылал запоздалой любовью к этому „общему отечеству“ и принялся громить „расчленителей“, сепаратистов, украинцев, донцов, кубанцев, кавказцев, туркестанцев и проч., и прочая.

Темперамента и энергии г. Керенскому не занимать. Да и уменье, навык некоторый есть в „ведении дела“. К тому же усвоен им в совершенстве вековой опыт московской политической школы с ее испытанными методами „собирания Руси“. Особенно старый, избитый, но всегда действующий, принцип divide et impera основательно загнездился в редакции „Дней“. Восседает это Александр Федорович на главном месте, а вокруг него всякие „представители“ покорных народов: налево — русский еврей, направо — русский армянин, спереди, под рукой, казачек, сзади, скажем, еще какой либо кавказец, далее „малоросс“, а потом — грузин, черкес и т. д. все двунадесять языков... Усумнился, на пр., сотрудник „Революц. России“, еврей Гольдельман в целесообразности „общего отечества“, — г. Керенский выпустит на него еврея Соловейчика; гомонят где то там кавказцы — у г. Керенского есть на них горбоносый „русский“ из Кавказа; собрались подумать о судьбе своей разоренные и ограбленные „богоносным“ вольные казаки, г. Керенский подтолкнет на них „задрыпаного“ эс-эровского казачка и т. д., одним словом, „прекрасно“ работает политическая машина по собиранию Руси!

И еще отмечаю одну, очевидно, новую особенность у Александра Федоровича: психологическое сближение его с ген. Деникиным. И у того и у другого какая то... болезненная ненависть ко всем тем, кто в пределах „общего отечества“ проживал, или проживает, но называть себя русским не желает. Особыми „чувствами“ пользуется все украинское. В пределах „общего отечества“ есть только один народ, русский (читай: великорусский). Все остальные, очевидно, инородцы, народцы и т. п., ибо, когда употребляется слово народ рядом с названием какой либо „этнографической группы“ Восточной Европы, то слово это берется в кавычки (№ 3, стр. 10).

Отметив эти три несколько новые для нас характерные черты А. Ф. Керенского (многописание, русотяпство и духовную близость к Деникину), не могу не обратить внимание еще на то, что журнал „Дни“, одновременно с „высокопатриотическими“ обязанностями по разгрому „расчленителей“, занимается еще и менее почетной работой, а именно: пишет рапорты в Москву (№ 3, стр. 7, корреспонденция из Тифлиса):

> у национальных коммунистов совершенно иное отношение к той знаменитой ст., которая трактует о праве добровольного выхода из Союза национальных республик, чем у коммунистов московских.
>
> И далее:
>
> в начале этого лета в одном из городов Украины имело место нелегальное собрание представителей некоторых коммунистических групп национальных республик. На этом совещании участвовали украинские, грузинские, азербейджанские и еще какие то другие коммунисты. Главным вопросом обсуждения был вопрос о правах нацреспублик и об их отношениях с Москвой.

Не имея возможности собственными силами расправиться с „петлюровцами“, „Дни“ подбивают на эту расправу Ворошилова (№ 4, стр. 4):

> Петлюровцы д е й с т в у ю т, — ворошиловцы г о в о р я т (керенщина в сов. России?! Ред.) А поделать с „агрессивными вожделениями польских вельможей“ ничего н е м о г у т.
>
> Какую яркую картину „международного могущества“ являют собою наши (даже наши! Ред.) красные маршалы, когда нужно выгнать из Польши десяток, другой жалких русских эмигрантов... ...несколько „старорежимных“ полковников и статских советников.

А вот, когда такие же старорежимные поручики и коллежские регистраторы переименовываются в самостийников и... готовят покушение не на отдельного советского чиновника, а на целость всего Советского Союза, — вооруженные до зубов ворошиловцы упорно их присутствие в Варшаве терпят и никаких нот в Варшаву не пишут.

Конечно, защищать свое отечество дозволительно даже и „всякими" средствами. Но только свое. Когда же человек растянется на $^1/_6$ часть света, где живут сотни больших и малых народов, и кричит, что все это его родина, а не его колонии, то боль такого человека, его страдания нам непонятны.

Поймите вы, большие и малые русские политики и русские люди и все, у них в услужении сущие, что если бы всю ту энергию, все те материальные ценности и жизни человеческие, какие погублены во имя вашего „общего отечества", были употреблены каждым из вас на действительные потребности своего народа, на его освобождение так, как это делали и делают те, кого вы называете расчленителями, вы бы больше послужили своему идеалу „общего отечества", чем теперь, когда нелепо трясетесь над тем, что было, что вы сами разрушили и чего вернуть не в силах!

А.

Казаки о „Вольном Казачестве".

М. Г., г-н Редактор!

...Ваш журнал является для меня дорогим приятелем. Линия поведения Вашего журнала точна, ясна и определенна; всем казакам следует ценить Ваш журнал и нужно быть глубоко благодарным Вам за то, что не оставляете нас, малограмотных людей, вполне денационализироваться.

Еще раз Вам сердечное спасибо.

9-12-28. Ч. С. Казак **Анисим Тилнав.**

———

...Год тому назад Вами смело поднятое Казачье Знамя под свою сень стягивает всех истинных сынов Казачества. Быть может, Вы и сами не подозреваете сколько надежд и веры Вы влили в души казаков...

По роду своей службы я исколесил всю Югославию, везде, конечно, есть казаки, часто приходилось с ними говорить...

Идея прививается, как гриб. Особенно способствует этому безмерно хамское отношение к казакам... русотяпов...

С. Х. С. 18-XII-28. **П. С.**

———

Мы, нижеподписавшиеся, казаки кубанцы, быв сего числа в собрании, читали постановление наших братьев об образовании капитала для спасения Казачьих Краев, напечатанное в одном из номеров „В. К." Вполне разделяя эту мысль, мы постановили: отчислить по 3 динара каждый в настоящее время и делать это в будущем и названную сумму передать в фонд „Спасения родных Краев". Призываем к сему и других казаков, для чего редакцию просим настоящее наше постановление напечатать в ближайшем номере „В. К."

Подписали: мл. ур. Евтихий Костюченко, вахм. Андрей Гордиенко, вахм. Лука Ситник, вахм. Федор Сидоренко, вахм. Петр Зинченко, казак Василий Енин, прик. Николай Енин, вахм. Сергей Сорокин.

18-XII-28. Панчево.

От редакции. Этих и им подобных казаков по заслугам отблагодарит действительно только Казачество и История!

Поздравления „В. К."

Уважаемую редакцию „Вольн. Каз." и всю группу борцов за лучшую долю казачью поздравляю с Новым Годом.

Дай Бог Вам сил, здоровья и энергии в преодолении безчисленных препятствий, стоящих на Вашем тяжелом, но славном пути.

Пусть вера в торжество святого и правого дела не оставляет Вас. Пусть, в наступающем году, с неослабевающей силой звучит Ваш призывной голос ко всему Казачеству — сплотиться в единую, дружную семью и своею грудью проложить широкую дорогу к светлой жизни Родных Земель наших.

Ваша напряженная работа в минувшем году принесла уже буйные всходы.

По всему миру рассеянное, — всколыхнулось Казачество. Бодрее смотрит вперед Оно; тверже сжимают мозолистые руки кирку и лопату. Со скорбным, усталым взглядом одинокого, забытого своим „доблестным покровителем", и с робкой надеждой, всматривается оно отовсюду, из сумрака эмигрантских будней, на полоску светлого луча, вспыхнувшего в чешской Праге.

Ведь первые Вы, за многие годы скитаний, открыто и твердо зовете под свое Казачество Знамя работать самостоятельно, „без опекунов", над восстановлением, попранного Москвою, право казачьего „быть хозяином на своей земле".

Глубоко верю, что наступающий год принесет еще обильные плоды, и в полной мере оправдаете Вы доверие к Вам измученного брата-казака. Верю, что своей работой вольете Вы новые силы и бодрость в его душу, надломленную разочарованиями и невзгодами жизни на чужбине.

Прага. Казак-кубанец
Инженер **Владимир Донецкий.**

———

Поздравляем редакцию журнала „В. К." и всех братьев казаков с праздником Р. Х. и грядущим Новым Годом. Помоги Вам Боже осуществить заветную мечту Вольного Казачества. **Скобелин, Кофанов, Булгаков.**

Франция 24-12-28.

———

Правление О. К. С. Х. в Брно поздравляет Вас с праздником Р. Х. и Новым Годом.

Каждый новый наступающий год будил в тайниках нашей души уже умирающую веру. Но, несмотря на длинную цепь дней изгнания, вера в наших казачьих сердцах в истинно казачье дело не умерла. Руки не опустятся, если и этот год не принесет желанного, но мы все равно прийдем к Свободе Казачества.

С казачьим приветом:

Атаман **Ермолаев Б.** Писарь **Конст. Поляков.**

———

Вам, нашим старшим „Вольного Казачества".

Поздравляю Вас, дорогие борцы за Вольное Казачество, с Новым Годом. Дай Бог Вам в этом Новом Году больше сил, энергии и неутомимости в активной борьбе за наше будуще казачье счастье. Молю Бога, чтобы в этом Новом Году Вы достигли желанной цели, чтобы нашу милую, родную и богатую Отчизну превратили в Казачье Государство. Прошу Бога, чтобы в этом Новом Году те наши братья казаки, которые стоят еще на распутьи, повернули бы туда, где куется казачье счастье Вольного Казачества. Да хранит Вас Бог на благо Казачества.

Шлю Вам свой казачий привет.

Вамхм. **Просвет** (куб.)

Франция, 28-12-28.

———

Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся.

Дорогое сердцу В. К. поздравляю с Новым Годом. Дай Бог Вам всем здоровья и силы в достижении желанных целей. Дай Бог, чтобы от маленького зернышка, брошенного Вами в условиях изгнания, но при обилии духовного богатства, произошло великое дерево добра, которое будет заветом мира, любви и согласия в семье всего казачества степей, порогов и гор. В об'единении всего Казачества залог будущего счастья и свободы.

Кланяюсь до земли. **П. Кудинов.**

26-XII-28. Болгария.

———

М. Г., г. Редактор журнала „В. К.“ От группы моих единомышленников разрешите поздравить Вас и всех Ваших сотрудников славного и уважаемого журнала „В. К.“ с наступлением Нового Года и вторым годом издания этого могущественного благовестника вольных казаков, а также прошу принять самые наилучшие пожелания продолжать это святое дело. Смею Вас уверить, что в первый год своего существования журнал сквозь тьму пролил свет истины, и огромное большинство зарубежного казачества эту истину познало; ряды самостийного движения полнеют и будут полнеть, ибо казачество не желает оставаться под опекой московских палачей. Одно печально, что наши войсковые избранники — Атаманы очень породнились с Москвой. Донской В. Атаман ген. Богаевский во время беседы с казаками в июне месяце с. г. на вопросы о самостийном движении между других неудобств к образованию самостоятельных Казачьих государств ответил: да мы и много породнились с русским народом. Вот я имею в Петрограде много родных, и чтобы поехать к ним, — будут нужны всевозможные визы, а к чему все это? Видимо, забыли наши Атаманы, что в Черкасске палачу Петру первому по его приказанию приносили напоказ две отсеченных головы Войсковых Атаманов — Булавина и Зерщикова, а также забыли, что этот родной палач в это же время уничтожил свыше 26 тысяч донских казаков и пожег их городки. Дешево ценят наши Атаманы головы несчастных мучеников — Атаманов, так дорого заплативших за казачьи вольности Но будем надеяться, что второй год издания журнала „В. К.“ присоединит в свое лоно и наших избранников.

Итак, дорогие труженники, продолжайте Ваш тяжелый труд на благо родного Казачества. В свое время за Ваш тяжелый труд отблагодарит Вас и Казачество и история.

С казачьим приветом к Вам, казак Войска Донского

Г.

Югославия.

———

Г-н Редактор! прошу Вас и всех сотрудников Ваших и всех истинных казаков принять от меня и граждан станицы наше поздравление с праздником Р. Х. и Новым Годом — с пожеланием в скором времени нам всем, свободолюбивым людям, обрести свои родные Края и дома освобожденными от всякой нечисти...

Станичный Атаман Донской Селимийской Свято-Николаевской станицы, **М. Н. Гусаков.**

24-XII-28. Болгария.

———

Высокошановный Пане Редакторе!

Надсылаючи наше спизниле — узналы з 26-го числа „В. К.“ — вітання з першими роковинами славного „Вільного Козацтва“, віримо, що цей, так необхідний усьому Козацтву орган, повернувши в свій час на и Козацьку Землю, продовже нам свою, працю, та... колись молоде покоління буде святкувати столітні його роковини... Нам же дай, Боже, дочекати 25р ічних...

... З новим Роком! Дай, Боже, щастя й долі...

В імені вдячної Укр. Громади на Туреччині

Сотник **М. Забелло.**

29-12-28. Царгород.

———

Международная жизнь.

Эльзасский вопрос.*)

Ряд сложных и трудно разрешимых вопросов, сопряженных с бытием населения приобретенной после войны Францией провинции — Эльзаса, и об'единяемых под общим именем „Эльзасского вопроса“, принадлежит к числу проблемм, которые уже давно фигурируют и, повидимому, еще долгие годы будут фигурировать в политической жизни Европы. Почти ежедневно на страницах европейских газет мы встречаем сообщения, так или иначе сопряженные с именем Эльзаса.

Эльзасский вопрос уже стар и имеет свою историю. В 1648 г. Эльзас был по Вестфальскому миру присоединен к Франции. Однако, провинция эта не слилась с телом Франции. Политика французского правительства по отношению к самобытной стране и ее населению была всегда полна известного рода деликатности. В Эльзасе сохранилась масса старых традиций нефранцизского происхождения, сохранился своеобразный старинный немецкий диалект. Последнему обстоятельству французское правительство не придавало раньше особенного значения. „Что в том, что эльзасцы говорят по немецки, если воюют они по французски“, говаривал когда то Наполеон I. Первая акция для расширения французского языка была начата лишь Наполеоном III. Однако, она не встретила сочувствия у населения; в частности, протестовало духовенство, видевшее во вводимом французском языке „опасный язык Вольтера“, Французский язык получил распространение лиш среди высших слоев интеллигенции, да среди торгово-промышленных кругов. Это не мешало эльзасцам оставаться горячими французскими патриотами.

Отнятие в 1870 г. Эльзаса Германией лишь вдунуло новые силы в этот патриотизм. Оригинально, что теперь то же духовенство, протестовавшее недавно против введения французского языка, стало во главе антинемецкого движения. Процесс онемечивания и антиклерикальная политика Бисмарка сделали из духовенства ярого противника всенемецкого вообще, а прусского протестантизма — в частности. Широкую поддержку себе эльзасские клерикалы нашли среди оппозиционных групп Имперского сейма, протестовавших против диктатуры Бисмарка. Одновременно, однако в Эльзасе шла и германофильская работа. Антиклерикальными элементами было положено основание автономистическому движению. Впрочем, после того, как конституция 1879 г. не оправдала недежд, возлагавшихся на нее эльзасцами, а сам Бисмарк смягчил антиклерикальную политику, движение автономистов-германофилов потеряло в 1881 г. окончтельно почву.

Но, годы шли, а с ними уходила вера в возвращение провинции „назад в лоно матери Франции“. Эльзасская интеллигенция должна была приспособляться к фактическому положению вещей и добиваться хотя бы тех прав, которыми пользовались другие земли Германии. Так зародилось второе автономистическое течение во главе с Прейссом и аббатом Веттерле. Много было в этом течении замаскированного патриотизма в сторону Франции, но много и опортунизма. Менее политично, но зато более открыто, было течение, возглавляемое д-ром Бюхером, в защиту французской культуры Эльзаса. Не дремали и немцы. Вильгельм II открыл в в Страсбурге католический богословский факультет, ставший центром германофильской работы. Целый ряд мероприятий в области самоуправления, народного здравоохранения, рабочего вопроса и т. д. был хитро проведен немцами в Эльзасе, дабы привлечь симпатию населения в сторону Германии. Много в этом направлении Германия и достигла. Там сильнее рос патриотизм другой части населения, окружавшей Францию ореолом золотых снов. Демонстративное поведение немецких властей по отношению ко всему французскому раздражало население, Европа все время получала напоминания о существовании эльзасского вопроса.

Вспыхнула мировая война, а с ней и взрыв антинемецкого настроения Эльзаса. Тщетно либеральничала Германия, предложила Эльзасу федерацию, шла навстречу всем требованиям автономистов и даже дальше, взяв в свои руки инициативу идеи созыва Народного Собрания, как верховного представителя „Эльзас-Лота

*) Статья написана до покушения на прокурора Фашо.

рингской Республики". Было поздно. 20000 эльзасцев ушли в ряды французской армии.

Настал долго ждавный день, и население Эльзаса с восторгом приветствовало вступление французских войск. Но прошли дни восторженных встреч и празднеств. Настали будни созидательной внутренней работы. На программе дня стояло разрешение спорных вопросов языка, управления, религии и т. д. Вопросы экономического строительства были разрешены наиболее удачно. Решение вопросов остальных сопровождалось рядом неизбежных ошибок, постоянно умышленно раздуваемых и используемых германофильскими кругами. Резкие смены в личном составе административного аппарата, как естественное следствие смены министерских кабинетов, были явлением далеко менее привычным для Эльзаса, чем для всей Франции. Они заставляли эльзасцев тяжело ощущать отсутствие единого плана в эльзасском вопросе. Мероприятия в области налоговой политики также не пришлись по вкусу населению Эльзаса, привыкшему видеть в присоединении к Франции лишь осуществление золотых снов, но не подготовленному к приятию неизбежной жизненной прозы.

На руку германофилам оказалось и отсутствие единой программы в конфессиональном вопросе: Мильеран держал сторону католиков, Геррио — был к ним настроен враждебно, нейтральная позиция Пуанкаре была принята с недоверием. Эльзасское духовенство не чувствовало почвы под ногами.

Болезненно разрешался и языковый вопрос. В низших школах, в качестве языка, на котором должно было вестись преподавание, сперва был введен французский. Начиная с 3-го года допускался немецкий, так что в теории дети должны были владеть одинаково хорошо обоими языками. Потом, однако, правительство пошло на уступки и предоставило учителям право, в случае целесообразности, вести преподавание и на немецком языке, и даже на немецком диалекте.

Такое решение в значительной мере удовлетворило население, но языковый вопрос все же не потерял остроты, т. к. продолжал оставаться тесно связанным с вопросом конфессиональным. Духовенство и теперь настроено против „языка Вольтера". Все эти трения прибавляют новое оружие в арсенал элементов, настроенных враждебно к Франции, разжигают страсти и выносят эльзасский вопрос далеко за пределы Эльзаса.

Газеты все время наполнены сообщениями о новых осложнениях, трениях в парламенте и тех или других шагах французского правительства. Все это еще раз подтверждает, как сложны и какого осторожного подхода требуют в наши дни всякие вопросы, связанные с национальностью, самобытностью, языком и т. д.

———

† В ночь под Рождество (с 6-го на 7-е января с/г.) на юге Франции, в Антиб, скончался б. Верховный Главнокомандующий Русской армии в великой войне, позднее Главнокомандующий Кавказской армии Вел. Кн. Николай Николаевич. Покойный родился в 1856 году.

Среди горцев Сев. Кавказа.

„Горцы Кавказа".

В ноябре прошлого года в Париже вышел первый номер ежемесячника „Горцы Кавказа". Журнал этот является продолжением выходившего в Праге журнала „Вольные горцы", органа „Народной Партии Горцев Кавказа". Програмным вопросам посвящено две статьи:„Кто мы"? и„Наши задачи". Из этих статей узнаем, что

> ни программа Народной Партии Горцев Кавказа, ни политика ее — со дня опубликования в „Вольных Горцах" — не подвергались никакому изменению. Мы остаемся активными борцами за политическую независимость Северного Кавказа в составе независимой Кавказской Конфедерации. Этот политический принцип остается основой нашей политической программы.

Эти моменты политической программы, а также взгляды „Горцев Кавказа" на события и ближайшие свои задачи — родственны и близки целям и задачам Вольного Казачества. Как и мы,

> Народная партия не закрывает глаз перед теми трудностями, которые стоят на ее пути. Прежде всего эти препятствия мы видим в русских империалистических тенденциях белых и красных, одинаково враждебных идее независимости наших народов. От великодержавного империализма не свободны и русские демократические и социалистические группы.

Правильно отмечено в журнале и то обстоятельство, что эмиграция русская не похожа на эмиграцию из кавказских областей.

> Принято думать, что эмиграция... утеряла связь со своими народами и давно ими забыта... между эмиграцией русской и кавказской есть существенная разница, заключающаяся в том, что в то время, как русская эмиграция выгнана собственным народом, кавказская эмиграция ушла от русских оккупационных белых и красных армий.

Не верят Горцы Кавказа уже и во всякие обещания российских политических групп:

> Русская демократическая и социалистическая общественность обещает так наз. инородцам федерацию с широким местным самоуправлением и культурной автономией. Но весь вопрос в том, что федерация предполагает договор независимых государств... а когда федерация вводится по воле господствующей нации, то это есть новая форма доминации. Признание за Кавказом безоговорочного права на сомоопределение должно предшествовать всяким соглашениям.

Признавая трудность борьбы за поставленные перед собою цели, Нар. Партия Горцев Кавказа все же не считает эти цели недостижимыми:

> Борьба за независимость требует жертв и очень больших и тяжелых. Мы перед этими трудностями не закрываем глаз. Мы не идем на эту борьбу ради борьбы, мы ее не хотим, но все об'ективные данные говорят за то, что империализм на Севере от нас продолжает жить во всех слоях общества.
>
> В этой борьбе Азербейджан, Грузия и Северный Кавказ расчитывают только на себя. Никаких других ориентаций у нас нет. Само собой разумеется, что в борьбе всегда стремятся найти поддержку и извне: и мы ее нашли в лице Украины и Туркестана, которые, также как и мы, борятся за свое освобождение.

Приветствуем появление нового борца за государственную независимость порабощенных народов!

а. б.

Редакция просит всех своих сотрудников и корреспондентов писать разборчиво и по новой орфографии.

Казачья эмиграция.

Литературное собрание казаков в Белграде.

9-го декабря пр. г. состоялось Литературное Собрание казаков, на котором выступали казачьи писатели и поэты со своими новыми произведениями. На этом собрании присутствовало много казаков, интересующихся деятельностью Литераторов наших и Казачьим творчеством.

Среди присутствовавших были донцы, кубанцы, терцы, так что Собрание носило общеказачий характер. Присутствовали: ген.-лейт. А. М. Сутулов, полк. Золотов, Марченко, П. И. Курганский, полк. М. К. Соламахин, Сергеев, Пащенко, Е. А. Букановский, Тер. Контролер Овчаренко и много казаков-студентов. На Собрании были и семьи. Устроенное по почину Общеказачьей Студенческой Станицы литературное Собрание в Белграде собирается уже во 2-ой раз.

Первым получил слово студент-кубанец П. Суслов, говоривший на тему „Обзор каз. журналов". Докладчик касался только литературной части таких журналов, как Вольное Казачество, Путь Казачества и Казачий Сполох. Оратор указал на ценные вклады в Казачью Литературу казаками-эмигрантами, указал также и на то, что „Вольное Казачество" является самым сильным сейчас в смысле литературы изо-всех Казачьих Журналов.

В заключение докладчик сослался на обширность лит. материала, перечислил имеющиеся журналы, как оффициозы: Вестник Каз. Союза, „Вольную Кубань", так и подпольную литературу кадет-казаков: „Казачья Вольность", „Казак". Не забыл он сказать и об „Улан-Залате" и о журнале Дон. Кад. Корпуса „Донец".

Е. А. Букановский указал на необходимость серьезной работы по классификации и разбору новейшей Каз. Литературы.

Вторым оратором выступил со своими произведениями Борис Кундрюцков.

Им были прочитаны два стихотворения из 2-го цикла „Голутвеных песен", рассказ „Татарин", и 10-ый рассказ об И. И. Гаморкине-Донском Казаке. По желанию присутствующих, им-же был прочитан и 9-ый рассказ, затрагивающий Анкету о „прошлом, настоящем и будущем Казачества".

Третьим выступил Вадим Курганский. Молодой поэт прочитал интересный рассказ „Алочка", перенеся слушателей в те жестокие времена, когда казаков-офицеров поднимали на штыки и заливались кровью Казачьи Края.

Четвертым выступил Павел Поляков.

Комментируя это довольно интересное событие в жизни Казачьего Белграда, можно сказать, что начинание это, повидимому, приветствуется, т. к. на Собрании было около сорока человек. Все собрание, длившееся от половины четвертого до половины седьмого, т. е. почти три часа, прошло оживленно и с большим под'емом.

Пожелаем казакам-поэтам работать в том-же духе, а всех других попросим поддержать их в этом благом начинании по поднятию и укреплению Казачьего Литературного Слова.

(Соб. Кор.)

Брно.

17-го декабря 1928 г. в 19 часов в помещении Студенческого общежития состоялся Хуторской Сбор Брненского Хутора О. К. С. С. под председательством ст. Н. М. Похлебина.

На сборе произведены выборы кандидатов на должности выбывших членов Хуторского Правления. Избранными оказались: на должность помощника Хут. Атамана — М. В. Филипченков, на должность казначея Хутора — Н. М. Похлебин, писарем — К. К. Поляков.

На том же сборе избраны следующие делегаты на Станичный Сбор О. К. С. С.: Асеев А. А., Каргальсков П. А., Запорожец М., Поляков Вл., Персидсков А., Похлебин С., Алейников А.

Письмо в редакцию.

Милостивый Государь, Господин Редактор!

Не откажите поместить в журнале „Вольное Казачество" нижеследующее:

Правление Софийской казачьей станицы поздравляет братьев казаков с Великоторжественным праздником Рождества Христова и наступающим Новым Годом.

Пусть Всевышний сохранит их силы, ниспошлет им здоровья и подкрепит энергию в работе на благо измученных Родных Краев.

Пусть эти дни засветят им лучезарным огнем счастья, ярким лучем пройдут в их однообразной до болезненности эмигрантской жизни.

В эти светлые дни отряхнем от себя личные счеты и из всех уголков Вселенной, куда загнал нас безжалостный рок, дружным хором провозгласим здравицу нашим Верховным Вождям, Войсковым Атаманам; будем молить Господа, чобы Он не лишил их своего покровительства и вразумил их на кратчайший и правильный путь спасения Казачества.

Правление станицы, предугадывая чаяния и надежды местных казаков, устраивает, вместе со студенческими хуторами на второй день Рождества Христова Казачью Елку-Вечер.

В беседе за чашкой чая и вина, в кругу своих родных и знакомых, будет легче оторваться от повседневной суеты.

Елка с неподдельной радостью и веселостью детей, воспроизведет наше милое, навсегда ушедшее от нас детство; обновит и убаюкает наши нервы.

Учитывая „деспотизм" наших маленьких друзей и сложность работы в настоящей обстановке, правление станицы приняло меры к тому, чтобы казачья Елка была богата и интересна и могла удовлетворить своих посетителей.

Правление уверено, что и другие зарубежные казачьи организации сделают все для того, чтобы, хоть раз в год, притти на помощь матери-казачке устройством Елки, вечеров, собраний и собеседований и тем дать возможность детям вдохнуть в себя струю чистого и свежего общеказачьего воздуха.

Сплоченность и организованность — ценнейшие вклады природы в Казачество, пусть же они служат залогом нашего успеха и позволяют, не стыдясь, смотреть вперед!

Зам. станичного Атамана,
Председатель комисси **П. Нос.**
Секретарь **Поляков.**

Письмо в Редакцию.

Милостивый Государь, Господин Редактор!

Настоящим заявляем, что мы с сего числа не считаем себя членами Литературной Казачьей Семьи, возглавляемой Иваном Ивановичем Колесовым.

Свой уход делаем как протест против поведения г. Колесова в редакции журнала „Вольное Казачество" — „Вільне Козацтво".

26 декабря 1928 г.

Санжа Балыков
Исаак Быкадоров
Терентий Стариков.

Постановление сотрудников журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво".

19 декабря 1928 г. состоялось совещание группы сотрудников „В. К." принявшее следующее постановление:

Совещание сотрудников „В. К.", выражает свое глубокое возмущение и решительное осуждение И. И. Колесову, позволившему себе совершить в редакции журнала 17 декабря с/г., недопустимый с моральной точки зрения поступок.

Председатель совещания **Ш. Балинов**
Секретарь **М. Минаев.**

Фильм о казаках.

Эти дни в Югославии, в Белграде, в кино „Корзо“ идет большой фильм „Казаки“. О постановке его и об игре артистов — известных кинематографических „звезд“ и настоящих казаков, проживающих в Холливуде, коснемся здесь, ссылаясь на рецензии Белградских газет.

Самая хорошая заметка помещена во „Времени“. Газета пишет:

„Игра настолько захватывающая, что теряется ощущение того, что зритель сидит перед экраном. За эти два часа, мы сами стали казаками, живем среди них, попадаем в плен, мучимся, любим и погибаем в боях с турками“.

Что можно прибавить к этим словам? Публика аплодирует и кричит в темноте, заглушая оркестр, то внезапно умолкает, зачарованная пением казачих песен, исполняемых хором, в котором так и звенит, заливая зал, типичный донской тенор казака Павла Орехова, в свое время гордости Атаманского Училища.

Подробные описания фильма можно найти во многих газетах, а так-же и в „Вольной Кубани“, в №. 14/65/, в статье: „Казаки на экране“. В конце статьи есть заключение: „Казакам очень интересно и полезно посмотреть эту картину, особенно тем, у кого ослабел казачий дух, т. к. там показаны характерные, чисто казачьи, станичные примеры „накачивания“ казачьего духа“. Вот какое, даже воспитательное, значение придают картине казаки из Вольной Кубани. В чем же секрет успеха фильма?

Вот тут то мы и остановимся подобрней.

Везде и всюду казаки были „русскими“, и вдруг — фильм, рисующий казаков совершенно отдельным от „богоносного“ народа племенем. С экрана иностранцы читают о том, что царь посылает боярина жениться на казачке, для закрепления казаков за Москвой; читают о том, что в старое время казаки вовсе не были подданными Москвы и ей не подчинялись, жили своей особой жизнью; они, иностранцы, хохочут вместе с казаками, когда те передразнивают московские „земные“ поклоны, пишут письмо турецкому султану, вызывая его на войну, и удивляются смелости казаков, заявляющих: А когда казаки боялись Москвы?

Из этого беглого очерка, мы видим, что фильм осветил Казачество по всему миру в настоящем свете. То, что проповедуем мы, казаки, здесь в Югославии, идея Вольного Казачества, вдруг брошена на экран и служит блестящим доказательством наших слов. Тотчас-же, повидимому, „русскими“, на второй день были сняты некоторые надписи, затронувшие великороссийское самолюбие, так например: „Когда казаки боялись Москвы?“ но слова сняты, а смысл остался: казак что-то говорит Атаману, и вот, сам Атаман кидается в погоню за царским послом, отнять у него казачку, а его уничтожить.

Не преувеличивая нисколько, скажем, что картина вызывает нескрываемый восторг; мало того, она возбуждает любовь и восхищение у зрителей, когда в залу входят настоящие живые казаки в казачьих одеждах.

— Вот казак сидит... Вот настоящий казак. Казак наяву...

Чувствуется что слава „опричников“, слава „защитников царизма“ „опоры трона“ и „угнетателей“, распущенная врагами, на вороту не повисла, что свободный казачий народ, мечтающий о Казачьем бытии, имеющий свой уклад и свои традиции и свои государственные задачи, не есть вымысел „кучки“ самостийников. Важно еще то, что фильм связан непосредственно с нами, ушедшими из своих Краев. Связан он лихими джигитовками и песнями. Смотрят джигитовку на картине, исполненную вместе с плясками в станице, и вспоминают то-же самое, виденное лично, на яву, от джигитов ген. Павличенко, Войск. Старшины Краснюка, Вахмистра Пьянова, песни слышанные от Жарова, от Платовского хора, и пляски от лезгинеров-терцев и кубанцев до донского казачка и говорят:

— Смотрите — это мы видели летом на ипподроме!

Будто не только живы старинные казаки, но они никогда и не умирали и не обезличивались чуждыми правительствами-черными, белыми и красными.

Иностранцы снова и снова узнают казаков. Они видят их на экране, видят у себя за городом, в поле, слышат в театре, встречают на улицах и только теперь начинают понимать — кто такие казаки, чего они хотят, чем полны их души.

Есть и недостаток у фильма — это выведенная черезчур военная специфичность, и наша задача еще показать, что мы не только можем драться и воевать, но и жить мирной государственной жизнью, созидать, творить, и высоко и честно нести знамена казачьей культуры, казачьей этики и морали.

Соб. кор.

21 ноября 1928 г.

В Казачьих Землях.

В ст. Приближенной (Пятигорского округа) убит учитель-коммунист. Тяжело ранена одна „общественница“. Произведено покушение на жизнь секретаря станичного совета.

Не успели еще отзвучать выстрелы в ст. Приближенной, как телеграф принес новое известие о двух нападениях кулаков на активных общественников: на хут. Морозовском, Донецкого округа, тяжело ранен комсомолец корреспонд. „Советского Пахаря“; мать его во время нападения убита.

Из другой ст. Архонской, расположенной в глубине Сев. Осетии, также получено сообщение о нападении на коммуниста — корреспондента.

В Армавирском округе бывший помощник атамана избил секретаря парт'ячейки за его активную работу по организации бедноты. Народ. суд признал это простым хулиганством, ограничась штрафом. Этим очень недоволен остался центр.

В Отрадненском районе, Кубанского округа, обнаружен ряд недочетов, связанных с проведением перевыборной кампании; в частности, отмечено засилие кулаков и пассивность комсомольских ячеек.

„Правда“.

На Черноморье кулаки агитируют против созыва советских бедняцких собраний и составляют свои списки. В районе Абрау-Дюрсо кулаки ведут кампанию против выборов в советы рабочих-коммунистов.

„Нов. Пр.“

В Кавказском округе наблюдается чрезвычайное оживление среди кулаков в связи с перевыборной кампанией. В нескольких станицах кулаки выдвигают в качестве кандидатов в председатели советов лиц, враждебно относящихся к мероприятиям советской власти.

В Хоперском округе, сообщает „Нижневолжский корреспондент“, в 38 избирательные комиссии вошло больше белогвардейцев, чем советских батраков и рабочих.

Еще хуже дело обстоит, утешает он себя, в Сталинградском округе (главным образом, б. II Донском окр.), где влияние кулачья настолько велико, что председателей избирательных комиссий приходится назначать из других мест.

„Извест.“

На хуторе Яма, Терского округа, убит комсомолец после проведения им собрания, посвященного перевыборам в советы.

В селе Русском, в Черноморье, подожжен хутор активиста, разоблачавшего кулаков и провалившего их кандидата.

„Кр. Газ.“

В станицах Надежной и Удобной, близ Армавира, крестянская молодежь разогнала камнями карнавал, посвященный перевыборам.

В станице Марьинской, близ Екатеринодара, убит активный селькор.

„Возр.“

Открыта подписка на 1929 год

на двухнедельный журнал литературный и политический

„Вольное Казачество ≡ ≡Вільне Козацтво“

Условия подписки:	на 3 мес.	на 6 мес.	на год.
В Чехословакии	18 кр.	35 кр.	60 кр.
В Польше	4.5 зл.	8 зл.	15 зл.
В Югославии	25 дин.	40 дин.	80 дин.
В Болгарии	50 лева	80 лева	150 лев.
Во Франции	15 фр.	25 фр.	40 фр.
В других странах	75 ам. ц.	$1^1/_2$ ам. д.	3 ам. д.

Редкция и контора: Praha-Žižkov, Jagellonská 24, Tchécoslovaquie.

Цена отдельного № в розничной продаже: в Ч. С. Р. — 3 кр., в Польше — 0·75 зл., в Югославии — 5 дин., в Болгарии 10 лева, во Франции — 2 фр. 50 с. В других странах — 15 ам. ц.

Библиотека Вольного Казачества. Номер 1.

Вышла из печати книжка

И. А. БИЛОГО

„КАЗАЧЬИ ЗЕМЛИ“

Отдельный оттиск исправленных статей из номеров 19—23 журнала „В. К.“, с приложением таблиц и карты Земель Европейского Казачества.

Ограниченное количество экземпляров поступило в продажу.

Цена 5 к. ч.

Обращаться в редакцию „Вольного Казачества“.

Vydavatelé: Ignat Bilyj a Michal Frolov. — Odpov. redaktor: Jaroslav Strohschneider. Novinová sazba povolena řed. p. a t. čís. 314175-VII.-1927. Tiskem Slovanského oddělení při knihtiskárně A. Fišer. Praha-Strašnice č. 144.